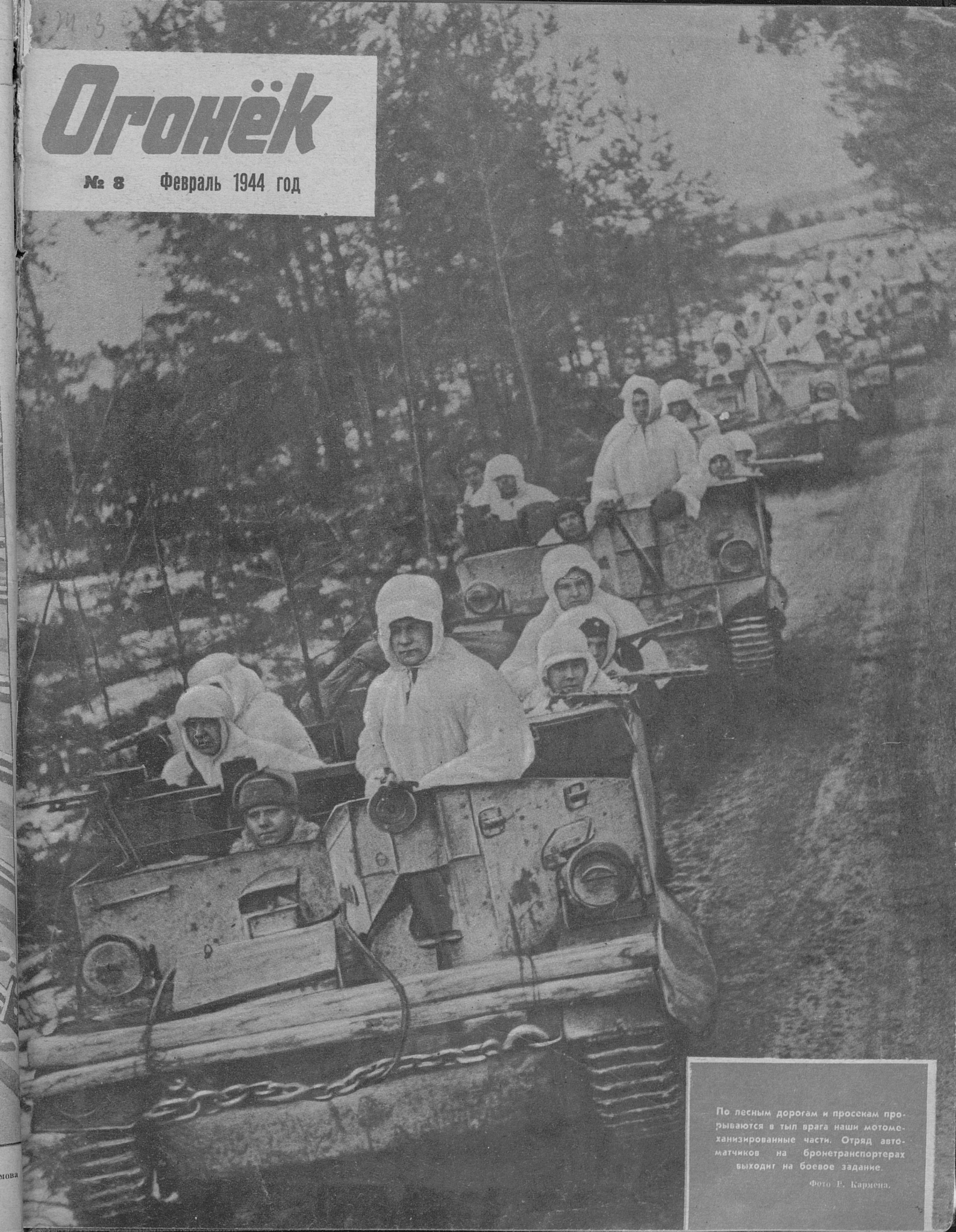

Огонёк

№ 8 Февраль 1944 год

По лесным дорогам и просекам про-
рываются в тыл врага наши мотоме-
ханизированные части. Отряд авто-
матчиков на бронетранспортерах
выходит на боевое задание.

Фото Р. Кармена.

ВНЕЗАПНОСТЬ, БЫСТРОТА, МАНЕВР.

Война в лесистых районах Полесья изобилует многими примерами маневренности наших войск. Внезапно переброситься в тылы противника, нанести ему неожиданный удар на флангах, произвести разведку боем — эти задачи выполняют наши мотомеханизированные подвижные части.

Автоматчики на бронетранспортерах, мотоциклах и легких броневиках появляются в тылу врага и наносят ему удары там, где он меньше всего их ожидает.

Такие части действуют на многих участках фронта.

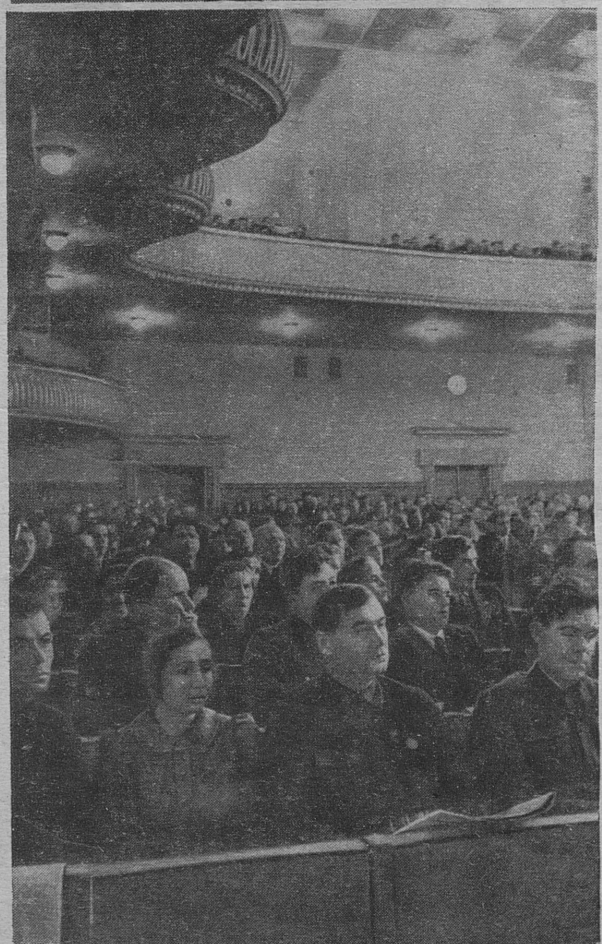
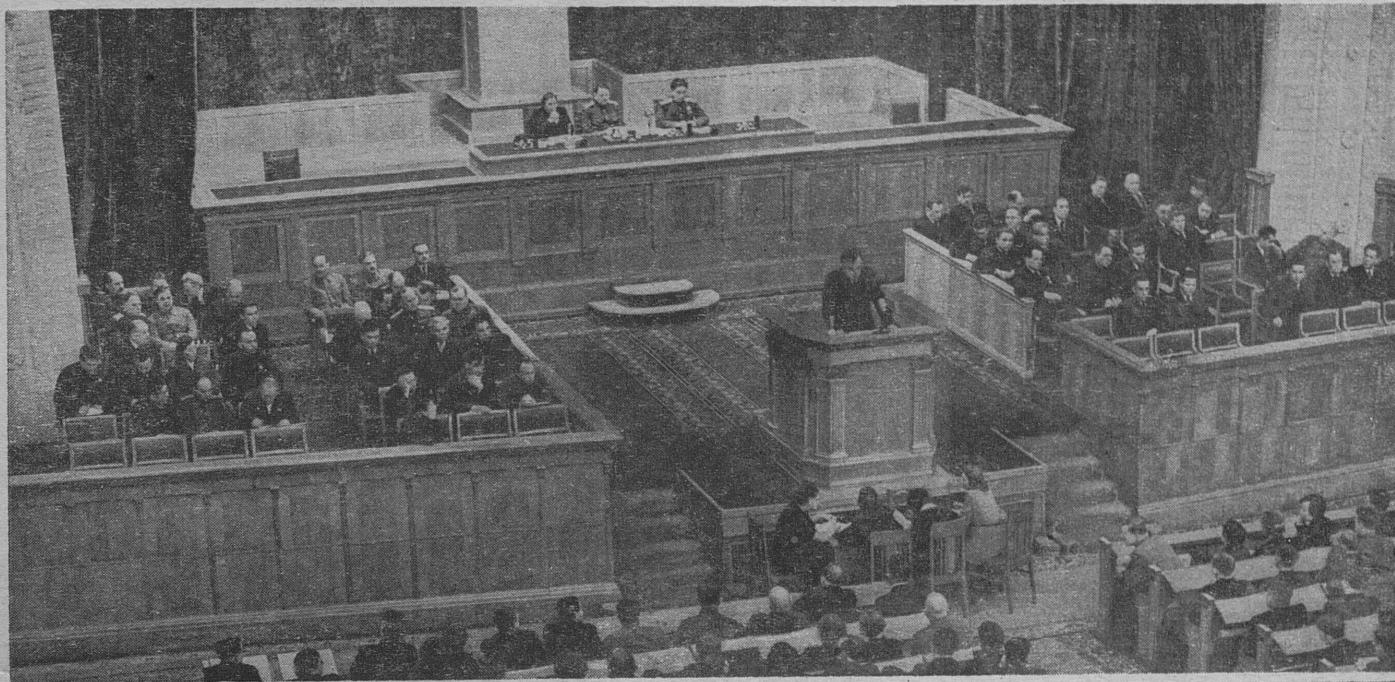
Бронетранспортёр обладает повышенной проходимостью: он пройдёт там, где нет дорог. На верхнем снимке: отряд автоматчиков на бронетранспортерах пересекает лесистую местность; отряд поспевает машину (слева) и под прикрытием дымовой завесы идёт в атаку (справа).

Мотоциклы пройдут везде. Вооружённые пулемётами, лёгкими миномётами, они внезапно появляются на флангах и в ближних тылах противника. На снимке внизу, справа: отряд мотоциклетчиков на марше. «Кочующий миномёт» смонтирован на мотоцикле. Отстрелявшись, он быстро меняет огневую позицию, не давая возможности противнику её засечь. На снимке внизу, слева: «кочующий миномёт» на огневой позиции.

Репортаж лауреата Сталинской премии Р. Кармена.

ВЕРХОВНЫЙ ОРГАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вслед за X сессией Верховного Совета СССР в Москве состоялась V сессия Верховного Совета РСФСР I-го созыва. Принятые X сессией исторические решения о расширении прав союзных республик в области обороны страны и внешних сношений претворяются в жизнь.

Верховный Совет РСФСР единогласно утвердил закон о государственном бюджете РСФСР на 1944 год, а также законы об образовании союзно-республиканских наркоматов обороны РСФСР и иностранных дел РСФСР.

Председателем Президиума Верховного Совета РСФСР избран Николай Михайлович Шверник; первым его заместителем—Иван Алексеевич Власов.

На верхнем снимке: заседание V сессии Верховного Совета РСФСР. С докладом о госбюджете на 1944 год выступает народный комиссар финансов РСФСР А. А. Посконов. На нижнем снимке: общий вид зала заседаний.

Фото М. Калашникова

Н. М. Шверник.

И. А. Власов.

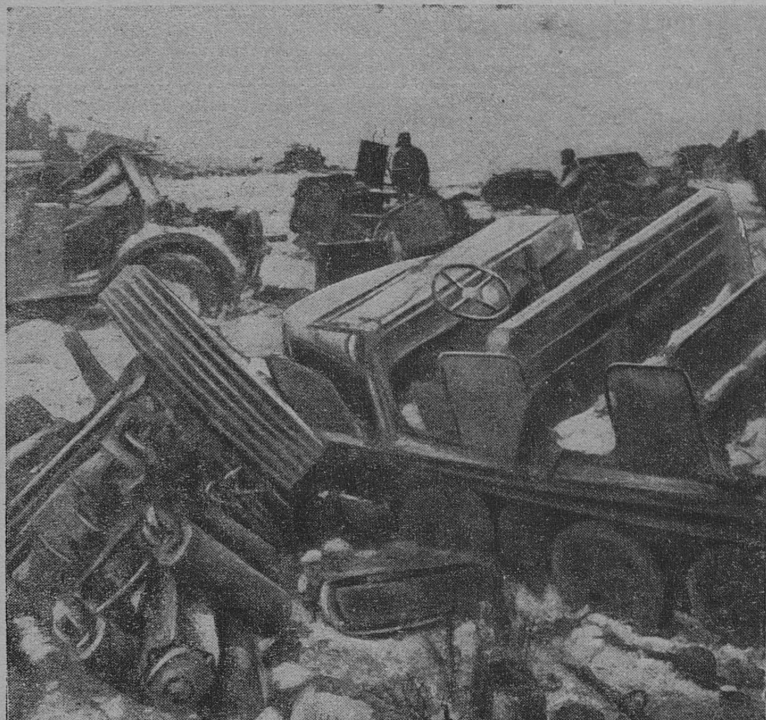
ПО ДОРОГАМ НАСТУПЛЕНИЯ

Невиданное по своему размаху грандиозное наступление Красной Армии каждый день ознаменовывается новыми блестящими победами. Вся Правобережная Украина в огне сражений. Наши воины не дают врагу передышки — удары обрушиваются на него со всех сторон. Войска 1-го Украинского фронта лишь за пять дней своего наступления освободили от немецких захватчиков более тысячи населённых пунктов. Войска 2-го Украинского фронта, прорвав оборону немцев, овладели городом Уманью и крупным железнодорожным узлом Вапнярка и перерезали важнейшую магистраль Жмеринка — Одесса. Крупнейшая победа одержана войсками 3-го Украинского фронта, освободившими город Херсон — важный узел железнодорожных и водных коммуникаций.

Отвоёвывая в ожесточённых боях землю Советской Украины, наши войска продолжают уничтожать технику и живую силу врага. Потери немцев огромны. Поля сражений завалены сожжёнными и разбитыми танками, самоходными пушками, орудиями разного калибра. Здесь «тигры» и «пантеры» — весь фашистский зверинец. Всё это искромсано, разгромлено меткими снарядами нашей могучей артиллерии.

Тысячами разбитых немецких автомашин усеяны дороги Украины: грузовики, легковые машины всех типов и марок, бронетранспортёры, штабные автомашины. Тут же, рядом с разгромленной техникой врага, лежат трупы немецких солдат и офицеров. Они валяются на дорогах и в оврагах, на полях и в окопах. От линии фронта на восток тянутся огромные колонны пленных. Это остатки уничтоженных нашими войсками немецких дивизий. Для них с войной покончено. «Гитлер капут!» — кричат они.

Фото специального корреспондента «Огонька» Б. Репина.

После немцев остались руины дворца, зияющие дыры в каменном постаменте Самсона. Самой статуи нет, немцы распилили её и вывезли в Германию. Спускаемся к берегу. На южной окраине парка, как мираж прекрасного Петергофа, как чудо, возникают две мраморные колонны с уцелевшими во всей чистоте своей формы вазами. Белые, с золотыми гирляндами, они резко выделяются из фона вывороченных, чёрных, обугленных, нагромождённых друг на друга, искалеченных деревьев.

Левее сверкает лёд залива. Проезжаем Мартышкино и с южного берега подаёмся налево, выезжаем в лес.

По дороге движутся машины, гружённые снарядами и продовольствием, танковые колонны... По сторонам раскинулись деревни Мордовщина, Ледовщина, Капище. Стоят мирные, нетронутые деревянные домики. Здесь не ступал немецкий сапог, но уж близка зона бывших немецких укреплений.

Внезапно резко меняется пейзаж: вместо деревень — пепелища, вместо стройных заснеженных елей по обе стороны дороги — сплошные цепи немецких дзотов, траншей; деревья поврублены на укрепления; по обочинам ещё сохранились немецкие таблички с черепами и костями и короткой надписью: «Мины». То там, то здесь торчат красные, как кровь, провоза: это остатки обезвреженных мин. Дорогу часто преграждали завалы из стволов вековых деревьев, скреплённых железом и проволокой. Русский топор прорубил в них ворота, и машины проходят беспрепятственно.

Здесь думали немцы встретить наступление, а удар им был нанесён страшный и неожиданный в обход.

О бегстве немцев в районе Керчно — Копорье говорит всё: брошенные склады боеприпасов, орудия, машины, ранцы, шинели, тяжёлая деревянная обувь, подсумки, каски. Об этом рассказывают жители, вернувшиеся из лесов, об этом с торжеством говорят бойцы. Местами дорога была взорвана, но уже над воронками желтеют тесовые мостики.

Чем ближе к Кингисеппу, тем ярче картина бывших здесь боёв, тем сильнее ощущение идущего сражения.

На шоссе подбитые «тигры», изуродованные танкетки, перевернутые орудия. Валяются сорванные с танков гусеницы; громоздятся ящики со снарядами; из-под снега торчат то руки, то ноги убитых немцев; где-где на снегу груды трупов: вот застыл, раскинув руки, финн в белом маскировочном халате, а дальше в воронке кровавая мешанина из члестеческих тел, среди них торчат клевские копыта — это наши снаряды ударили по удиравшему немецкому обозу.

На шоссе кипит работа сапёров. Тут построены переправы, организованы объезды. С фронта мчатся грузовики с трофеями. Навстречу идёт поток наших орудий и обозов. Припекает солнце, тает снег, чернеет мокрая земля. Лихие девушки — регулировщицы — направляют движение.

Среди машин и бойцов я замечаю мальчика на лыжах. Ему лет тринадцать. На нём ушанка с красноармейской звёздочкой. Торчат русые волосёнки. «Я здешний. Мать немец увёл. Девчонок забрали, а я спрятался, дождался вас. Так рад, что снова у своих».

Радостно светятся серые глаза. Наконец, наша малолитражка одолевает последний, самый трудный объезд, и мы в Кингисеппе.

На окраине города одни обгоревшие трубы и печи, но дальше виден ряд сохранившихся зданий. Не успе-

НА ЗАПАД ОТ ЛЕНИНГРАДА

С. Вишневецкая

Рисунки автора

Это орудие обстреливало Ленинград.

Улицы-Лигово.

СНЕГ

Мих. Дудин

Метель кружится, засыпал
Широкий след на берегу.
В овраге девочка босая
Лежит на розовом снегу.
В лицо наотмашь хлещет ветр
Студёных тысячью плетей.
Скажи, зачем мне снятся дети?
У нас с тобою нет детей!
Но, на привале отдыхая,
Я спать спокойно не могу:
Мне снится девочка босая
На окровавленном снегу.

ли немцы всё поджечь. На одном из домов надпись «Районный исполком». Входим во двор — здесь и почтовые пикапы, и тюки с продовольствием под навесом, и трофейные машины, и наши эмки. Протискиваемся в помещение. В одной комнате идёт регистрация жителей, в следующей — заседает комиссия по восстановлению города. Дел у всех по горло.

На улицах оживление. Всюду расклеены наши газеты и фотоплакаты. На каждом шагу счастливые, возбуждённые мальчишки. Они уже украсились красноармейскими звёздочками. У одного их три: одна на шапке, две на груди, — и между ними звёздочка с офицерского погона.

Один из них привёл нас в дом, где немцы расстреляли его деда. Старик отказался уходить с немцами. Маленькая комнатка. Здесь, у печки выстроили всю семью. Старика немцы убили наповал, двух женщин ранили (сейчас они в госпитале), а мальчику повезло: пуля просвистела мимо, он упал, прикинувшись мёртвым. Убитых советских граждан похоронили со всеми почестями. Они предпочли смерть немецкому рабству.

На улице, среди привычного потока военных, сразу замечаем группу вооружённых штатских. Наверно, партизаны, возвратившиеся в родные места. Так и есть. Среди них женщина-военврач, два моряка и несколько красноармейцев — местные жители. Наряд их фантастичен. Морская тельняшка сочетается с немецкой курткой, белые маскировочные штаны с кожаной и вязаной шапкой. Но лица здоровые, загорелые; глаза весёлые. «Нас крестьяне здорово кормили! Любили».

За городом на понтонных переправах через реку Лугу непрерывным потоком наши войска движутся на Нарву. И на эстонской земле не вынес народ немецкого ярма. В лесу у Комаровки спрятались эстонцы и русские. В кустах укрыли коз, коров, лошадей, сани со скarbом.

— Как удалось вам всё спасти?

— Обманули мы немцев... Мы от них убежали. Зверн они, не люди. В Нарве на суконной фабрике в печах живём народ жгли.

Возвращаемся обратно в Гатчину по основному тракту. Жизнь восстанавливается.

Вот и Гатчина... Омерзительно глядеть на горы опорожнённых немцами бутылок с ярлыками всех европейских стран. Этими бутылками завален весь первый этаж Павловского дворца.

На одной из стен дворца мы обнаружили написанные по-немецки размашистым почерком слова:

«Здесь мы были — сюда мы не вернёмся. Когда Иван придёт, — всё здесь будет пусто».

Врёте, подлые убийцы, пьяницы, развратники! Не может быть пусто там, где бьётся наше горячее сердце. Залечатся раны, нанесённые немецкими вандалами. Придут русские — архитекторы, художники, искусствоведы, рабочие — и по уцелевшим курам карнизов, барельефов стен и лестниц, по старым планам и чертежам восстановят наши прекрасные дворцы и в Гатчине, и в Пушкине, и в Петергофе, так же как и на всей родной освобождённой земле.

Ленинград — Кингисепп.
Март.

СЕМЬЯ СТАРОГО ГОЛУБЯ

А Софронов

Рассказ

В хуторе Горнищом, в хате с зелёными ставнями, жила семья Голубя. Худощавый старик был ростом выше всех в семье, как будто природа создала его таким, чтобы он всегда мог видеть своих домочадцев. И жена его, Мария Мефодиевна, тоже была высокая, дородная женщина.

Двоих из семьи Голубя не было дома: сын, Григорий Голубь, и зять, муж старшей дочери Елены, Егор Винценко, воевали. Все же остальные были в хуторе: дочери — Елена, Харитиза, Марфуша и дети Елены и Егора — Надя, Митя и Николай.

Во второе лето войны вернулся муж Елены — Егор. Тёплым июльским вечером он появился во дворе, и самый маленький из его сыновей — Колка — закричал:

— Батяка пришёл!

Все выбежали из хаты, из сарая и увидели, что посреди двора стоит Егор и одной правой рукой пытается поднять к себе сына на грудь. Он был сильно ранен в левую руку и приехал домой, получив шестимесячный отпуск...

Находившийся в стороне от большой дороги, хутор вначале не был затронут войной. Но когда по единственной улице хутора, держась возле хат, прошло несколько запятённых и окровавленных красноармейцев, а по дороге прокатилась открытая санитарная повозка, на которой лежали раненые бойцы, люди поняли, что война рядом, что немец уже недалеко. Часть людей ушла, но сараи рвались на дорогах, и многие из жителей остались в Горнищом.

Немецкие самолёты сбрасывали бомбы и обстреливали хутор из пулемётов. Всё семейство Голубя лежало на огороде. Бомбы рвались неподалёку. Потом наступила тишина. Первым поднялся старый Голубь.

Он оглядел семейство и строго спросил Егора:

— Это вот и есть немцы?

Егор безнадежно махнул рукой:

— Уйти бы надо.

— Куда тебе, однорукому? Перепрячься! Не навек они пришли, — Голубь опять обвёл всех взглядом. — Задержались, — значит, надо здесь жить.

Он пошёл через огород, ведя за руку самого младшего внука, Колку. На пороге своей хаты старик увидел двух немцев. Один из них, молодой, голубоглазый, видимо, уже побывав в хате, так как держал в руках совершенно новые, отливающие горячим блеском сапоги.

— Гришныи сапоги! — закричала Мария Мефодиевна и побежала к хате. — Отдай!

Она схватила сапоги и сильно потянула их к себе. Голубоглазый немец удивлённо посмотрел, затем отпустил один сапог и правой рукой

наотмашь ударил Марию Мефодиевну по голове. Не выпуская сапога, она упала на землю. Старый Голубь шагнул к немцу:

— Ты?

Молча наблюдавший за происходящим другой немец, с чёрными усами, сказал, коверкая язык:

— Это есть наш хаус. Мы будем здесь проживать.

— Это мой дом, — возразил Голубь.

— Твой дом туда, — махнул немец в сторону улицы.

— Прочь, прочь! — закричал голубоглазый.

Всё это так неожиданно навалилось на Голубя, что он огорчился. Дети и внуки плакали. Только Егор стоял в стороне и исподлобья ненавидящими глазами поглядывал на немцев.

— Русс солдат? — спросил голубоглазый, угрожая Егору автоматом.

— Большой он! — закричала Елена, бросаясь к Егору и закрывая его собой.

Старший немец что-то сказал голубоглазому, и тот опустил автомат. Голубь круто повернулся и, не оборачиваясь, пошёл со двора.

— Куда ты, Ваня? — спросила поднимавшаяся с земли Мария Мефодиевна.

— Я найду на них управу, — ответил старик. — Иди в дом, смотри, чтоб имущества не растащили...

Немецкая комендатура обосновалась в правлении колхоза. Комендант понимал по-русски.

— Подойдите сюда, — сказал он Голубю, когда тот высказал ему своё жалобу.

Голубь подошёл. Комендант потянулся из-за стола и, перегнувшись, ударил Голубя кулаком по лицу. Старик сделал два шага назад и упал, ударившись головой о стену.

— Ты понимаешь, где твой дом? Нет твоей дом, нет твоя земля! Есть германский дом, германский земля.

Голубь молча поднялся и вышел, сплёвывая кровью. Комендант крикнул ему вслед:

— У, русский крови!

Вернувшись к себе во двор, Голубь увидел, что вся семья его стоит возле трёх тощих мешков с домашним скarbом. На крыльце в новых сапогах Григорий сидит голубоглазый немец и палочкой выковыривает из глиняной колыбельной кошки копилки серебряные монеты.

— Пошли, — сказал старик своим.

...Поселилось семейство Голубя на другой окраине хутора, в полуразвалившейся, заброшенной глиняной хате. Пустые окна. Потрескавшийся, в ямах земляной пол. Сорванные двери. Дырявая крыша — через неё были видны звёзды. На ручной мельнице начали молотить кукурузу, которую Елена ночью приносила с огорода. Надо было жить, кормить детей...

Как-то перед вечером немцы увели Егора в комендатуру. Там было ещё человек шесть хуторян, находившихся в отпуску после ранения и не успевших эвакуироваться. К ним вышел комендант:

— Вас там будет лечиться... Вас немного будет заживлять...

На рассвете немцы окружили арестованных. Километрах в трёх от хутора, возле крутого оврага, раненые бойцы Красной Армии были расстреляны...

Елена лежала и беззвучно плакала. Около неё сидели Надя, Митя, Коля. В руках у Коли была отцовская выгоревшая под солнцем пилотка без звёзд... Он то снимал её, то снова надевал, повторяя:

— Мамка, не плачь, папаня вернётся...

На четвёртые сутки, когда Елена выплакалась, старый Голубь сказал:

— Царство небесное Егору. Остались вы, внуки, сиротами, а маминка ваша — вдовичей. Запомним, кто это горе принёс, — не простим никогда. Запомним, кто нас из дому вышвырнул, — не простим никогда. Запомним, кто вашего деда по лицу бил и вашу бабушку бил... А ещё я хочу сказать вам, дочери и внуки, и ты, Мария Мефодиевна: не должен нас немец ни мёртвыми видеть, ни рабами крепостными. Когда вернутся свои, пусть они нас живыми застанут на своей земле, возле своих хат и родных могил...

И потянулись для семьи Голубя, для хуторян страшные дни. Ночью им снились прошлая жизнь, встречи, радости. С рассветом начиналась каторга.

Немцы задумали строить шоссе. С утра до ночи люди ломали в карьерах камни, таскали его на дорогу, дробили, обтачивали, укладывали. В

ПАРТИЗАНЫ

Борис Байда

Долго ехали лесами, мчались шибче вьюги. Наши кони притомились: — Ослабляй подруги! Командир сошёл на землю у крутого лога: — Отдохните, мои хлопцы, кончилась дорога! ...День прошёл, второй проходит, третий наступит. Задымилась пыль густая, — немец выползает. Затаилась чаша леса, гневно шелестела: — К бою, хлопцы, гей, родные: будет, будет дело! Сабли-молнии лучами жгучими взыграли: Кузнецы в воде днепровской сабли закаляли. Расступились, разомкнулись грозные дали. Пригибались травы низко, партизан встречали. И стальной стеною поле хлопцы заковали. Преградили путь-дорогу и вскричали: «Слава!» Вот вам Киев, вот Житомир, вот вам и Полтава. Вот вам Канев, вот Чернигов, вот краса-Одесса! ...Эхо выстрелов гремучих понеслось из леса. Под могучим древним дубом партизан свалился. Слово явортонковольный, до земли склонился... Дыбом кони. И заржали звонко, и печально, И протяжно, и высоко, горестно, прощально... Не стерпели партизаны... — Бейте братья, бейте, Немцев, иродов поганых, бейте, не жалейте! Немцам круто стало, круто, нет им, песям, защиты: Ряд за рядом партизаны, — будут немцы биты! Слева речка, справа взгорье, лозиды откосы. Из села выносят люди топоры да косы. Партизаны с фронта били, люди били с тыла. Кровь поганая фашистов чёрной лужей стала. Из-под пепла встали села, дети и девчата; Встали вместе страшной местью деды и внучата. И скрестились грозно сабли, сеча, словно туча. Немец падал, падал мёртвым на стене колючей. Партизанам хлеб выносят, брагой угощают, Боевого счастья, славы от души жаждут. На цветастых полотенцах маки полевые Вышиты простым узором, словно как живые...

С украинского перевёл Герман Абрамов.

ДОМ-МУЗЕЙ В. КОРОЛЕНКО будет восстановлен

22 сентября 1943 года в Полтаве немцы, отступая, сожгли дом, в котором жил и умер писатель В. Г. Короленко.

В Полтаве В. Г. Короленко поселился в 1900 году. Переезд был благоприятен для творчества писателя: в Полтаве были написаны его повести и очерки «Мороз», «Последний луч», «Нестрашное», крупнейшее произведение В. Г. Короленко — «История моего современника» — и другие.

В небольшом особняке на тихой Мало-Садовой улице (теперь улица В. Г. Короленко) систематически собирались материалы его литературного труда и общественной деятельности. Дом этот, неприкосновенный при жизни писателя и охранявшийся так же тщательно и после смерти В. Г. Короленко, долгое время служил центром работы над литературным наследием писателя. Там было подготовлено посмертное собрание его сочинений в 48 томах, из которых 23 тома изданы. В 1928 году, к 75-летию годовщины со дня рождения В. Г. Короленко, здесь была открыта выставка, положившая начало постоянному музею.

Все вещи Владимира Галактионовича оставались на своих местах, словно писатель только что вышел из своего кабинета.

После смерти жены писателя — Евдокии Семёновны (в декабре 1940 года) — была открыта для обозрения и её комната. Здесь в письмах, фотографиях, адресах друзей, писателей и общественных деятелей ярко выступал образ жены-друга.

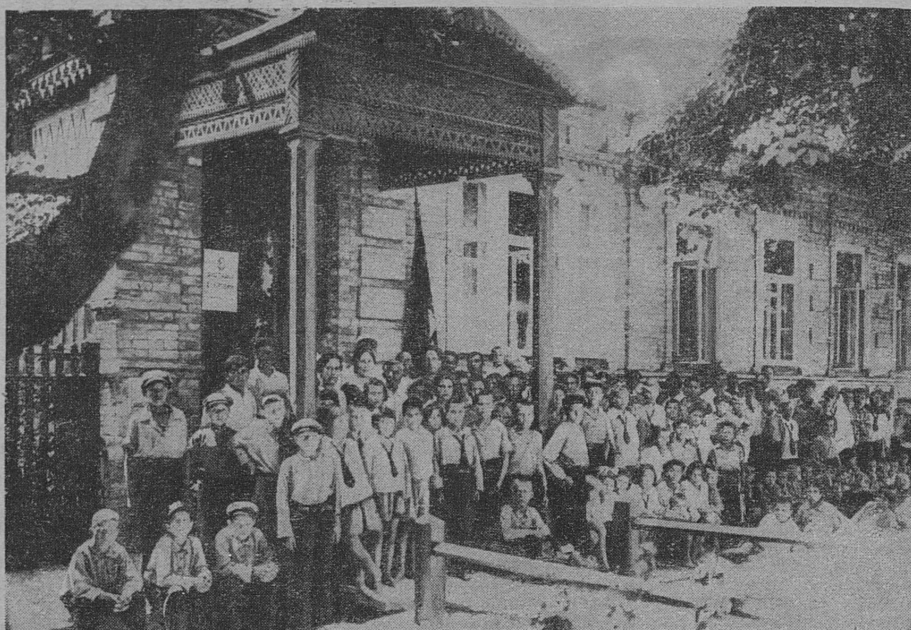
Евдокия Семёновна похоронена в Городском саду, рядом с В. Г. Короленко, под одним с ним могильным холмом.

Музей В. Г. Короленко с первых дней Великой Отечественной войны включился в общую напряжённую работу. По указанию инженера я была призвана приспосабливать под бомбоубежище погреб, и сюда до эвакуации музея были снесены наиболее ценные материалы.

Дом-музей был открыт, его посещали многие из двигавшихся через Полтаву мобилизованных и беженцев.

Сохранялась книга с записями посетителей в течение первых двух месяцев войны.

«Выйдя из музея замечательного человека, борца за правду, за правое дело, — пишет посетитель 12 июля 1941 года, — можно с уверенностью сказать в нынешний напряжённый момент Отечественной войны: наше дело правое, мы победим!»

Экскурсия школьников у дома-музея В. Г. Короленко в Полтаве. Снимок сделан до войны.

«Светлый и благородный образ В. Г. Короленко, который перед нами встал во всём своём величии при осмотре музея, зовёт нас на подвиги в защиту своей родины, на борьбу со всякой несправедливостью», — пишет другой 16 июля 1941 года.

«Посещение дома-музея Короленко знакомит так близко с великим писателем и светлым человеком и вселяет особую бодрость и уверенность в скором изгнании и уничтожении всех кошмаров, которые несёт человечеству гитлеризм» (26 июля 1941 года).

Дата последней записи в музейной книге — 25 августа 1941 года — последнего дня посещения музея. К этому времени был занят Кременчуг, и становилось всё более ясным, что медлить с отъездом нельзя. Пришлось эвакуировать только ценные литературные материалы. Часть материалов была отправлена в Уфу, с другой наша семья 4 сентября двинулась из Полтавы в Свердловск.

23 сентября 1943 года Полтава была освобождена от врагов; я с горестью узнала, что дом-музей,

наполненный вещами моего отца, его библиотека, в большей части оставшаяся в доме, и все вещи нашей семьи погибли в пламени. По сведениям, которые я получила из Полтавы, немецкий комендант, занявший наш дом, зная, какую культурную ценность для нашей родины представляет дом и всё его содержимое, 22 сентября 1943 года, перед отступлением, собственноручно сжёг его. Внутренность дома и вещи были облиты горячей жидкостью, затем выбиты все окна, чтобы пламя легче охватило деревянный особняк. Такая же судьба постигла старинный флигель во дворе.

Для меня это тяжёлое горе смягчается сознанием выполненного перед памятью отца и перед родиной долга. Все его литературные материалы спасены, надёжно хранятся и будут служить русской литературе. Через некоторое время, я уверена, будет восстановлен на прежнем месте и дом; туда вернутся материалы музея, который вновь откроет свои двери для посетителей.

С. В. КОРОЛЕНКО.

кровоподтёка и ссадинах были девичьи руки; опухали лица; как деревянные колоды стали стройные девичьи ноги...

Однажды вечером Елена и Харитинья вернулись домой с заплаканными лицами. Левый глаз Харитиньи закрыло огромным сыном. Голубя не было дома: он на огородах искал съестного. Земля приберегала еду для своих, как бы понимая, что нужно поддержать стойких духом людей. В хате Елена и Харитинья бросились на солому и заплакали навзрыд, приговаривая:

— За что?! За что?! Да пусть убьют лучше...

Мать склонилась над ними: — Доченьки, кровинки мои, что с вами?

— Били нас, палками били... Немоготу, маменька!

— Молчите, молчите, отцу не говорите. Не так горько ему будет.

Но Голубю было горько. Он стоял на пороге, тёмный, как зимняя кубанская туча. Он доставал из-под рубашки смёрзшуюся свёклу и молча клал её в протенок. Сложив свёклу, он глухо спросил:

— Кто это вас?

— Ефрейтор, — ответила Елена.

Немец бил его дочерей! Сопливый ефрейтор палкой бил его Харитинью! Нет, это было уже свыше сил Голубя. Он вышел из хаты и прошёл через заросший бурьяном лу-

стырь к тому месту, где шоссе пересекало просёлочную дорогу. Там, в деревянном домике, жили ефрейтор и два солдата. Ночь была тёмная, дул ветер, гудели деревья в садах. Но старый Голубь ничего не слышал, он шёл к перекрёстку дорог...

Дом вырос перед ним неожиданно. Ставни были закрыты, через узкие щели пробивались полоски света.

Голубь огляделся. Возле дома никого не было. Он подошёл к двери и резко потянул её к себе. Дверь не поддавалась, она была закрыта изнутри. Руки его нащупали дверные кольца и дужку замка в одном из колец. Подошёл потом к ставням и в щель увидел сидевших за столом немцев. Ефрейтор положил голову на стол. Возле него валялась опрокинутая бутылка. Высокий солдат таранил на неё глаза и сокрушённо качал головой: бутылка пуста. Третий немец, расклевываясь, пытался закурить сигарету, но спички не держались в его негнущихся пальцах...

Спички! Голубь потянулся к карману. Пальцы его нащупали спичечный коробок. Он быстро подошёл к двери и продел дужку замка в оба кольца. Потом он взял из стоявшей неподалеку копны несколько охапок соломы, обложил ею дом с двух навстречных сторон и зажёл спичку.

Пламя, раздуваемое ветром, побежало по соломе и осветило шоссе...

Не оборачиваясь, Голубь крупным шагом пошёл к пустырю. На пороге своей хаты он обернулся и увидел у перекрёстка столб пламени.

— Где был? — спросила жена.

— Ходил... — уклончиво ответил Голубь.

Потом он вытянулся до хруста в костях и облегчённо закрыл глаза.

Утром в хату к Голубю прибежала подружка Харитиньи с криком:

— Немцы погорели! Перепились и погорели! Один, худой, выполз в окно, да тоже обгорелый, помирает...

Старый Голубь пошёл посмотреть. Дом сгорел действительно начисто. Прикрытые мешками, лежали труны двух немцев. Приехавший немецкий следователь нашёл под трупом ефрейтора коробок спичек. Следователь держал коробок в руках и что-то говорил коменданту.

Допрос хуторян ни к чему не привёл. Голубя даже не допрашивали: он жил далеко на пустыре и казался очень старым.

Голубь никому из семьи не признался в поджоге.

...Немцы между тем всё строили шоссе, но никак построить не могли. А потом заговорила невдалеке советская артиллерия. Пришёл в хату к Голубю немец и сказал:

— Собирайтесь, эвакуировать будем.

— Куда?

— Туда, где войны нет.

— Война всюду.

— Не говорите! Расстреляние будет. Быстро!

Собрал Голубь своё семейство, положил оставшуюся домашнюю рухлядь в два мешка, бросил их на тачку. К вечеру двинулся из хутора небольшой обоз. Последним брёл Голубь с семьёй. Куда торопиться со своей землёй?

Наступает ночь. Всё ближе слышится орудийный гром. Патрульные немцы уходят вперёд, торопятся, боясь оглянуться. И когда отошли немцы, Голубь резко свернул в кусты, а за ним потянулись все его домочадцы и ещё несколько семейств. В кустах легли на траву и затихли. И поняли все: дальше они никуда не пойдут. Или здесь умрут или жить будут в Горичном.

Через несколько часов в Горичный вошли гвардейцы. Они брали ребятшек на руки, а девчата дарили бойцам вместо цветов охапки осенних, багряно-золотых веток.

Старый Голубь стоял у своей хаты, той самой, из которой год назад его выгнали немцы. Он был горд тем, что не покорился врагу, уцелел сам и сохранил семью для родной земли, для своего народа...

СОКРОВИЩЕ

Е. Величко

Густая синева сумерек стекает в долину, заливая островки сопки, усыпавшие бескрайнюю казахскую степь. Ближе ещё можно различить побуревшие стебельки жестких степных трав, скупо натканные по голым, каменистой земле. Но уже в десяти шагах их не видно. Внизу, в просторной котловине, светится круглое озеро, отражая спокойным сиянием буйные краски заката, разметающего пыльные листья хвосты в запыленном небе. Вокруг озера сказочными цветами рассыпаны костры; дым тянется ниточкой от золотой точки огня, расширяется вверх опрокинутым конусом и на уровне вершин сопки сливается с другими дымами, невесомым одеялом плываая в отдыхающем воздухе.

Приглушённые расстоянием скрежет, лязг металла, рычание моторов, гул людского говора несутся над раскалённой землёй. Нельзя разобрать ни слова, а если бы мы сидели рядом, то ничего не поняли бы в разноязычном говоре казахов, русских, киргизов, узбеков, туркмен, украинцев, татар, башкир, заселивших недавно пустынный кусок выжженной солнцем степи. Их привела сюда война. Правда, здесь не фронт, но временами забываешь об этом, когда дружный пулемётный стрелок перфораторов оглашает пустыню и тяжкие удары тола взмётывают в выгоревшее небо рыжие фонтаны земли. Люди атакуют недра с яростью солдата, выдающего перед собой победу. Палатки геологов, разведчиков, горных инженеров похожи на большие и малые штабы: свитки карт, чертежей, трубки почтовых телефонов, настоящие голоса моряки в походной радиостанции, треск пишущих машинок, отрывистые слова приказов — во всём чувствуется напряжённый, точный темп наступления.

Я не сразу привык к этому темпу. Да и кто из нас привык к нему? В этих местах я бродил в тишине, нарушаемой только повисшим караульных сурков да клёкотом тяжело взлетающего беркута. Можно было идти день за днём, не встречая ни одного человека, и ночами в горных степных озёрах отражались только тяжёлые золотые капли звёзд, дрожащие, словно вот-вот готовые упасть, в бархатной черноте неба. Десяток людей нашей партии не мог заполнить простора. Странно было вдруг увидеть с вершины сопки крохотные фигурки, копошащиеся у буровой вышки, и слышать глухой стук долота о древние камни. Многие века тяжёлой поступью прошли по этим камням, перемали их, заменив застывшие кристаллы вязкой магмы чёрно-зелёным месивом сланцев, выжали в гнёзда и жили расплывшиеся молекулы металлов, содрали надёжные покровы наслоений, защищавшие их от нескромного глаза человека.

Мы были следопытами. Мы искали и выслеживали жилища металлов в неведомых недрах; спрашивали их соседей о родословной, пытались узнать, откуда пришли и где расселилось племя металлов, несущих в себе секрет неуязвимости стали, неизносимости резца, несгораемости волоска электролампы. Тогда нам казалось, что мы хорошо делаем своё дело.

Проходило знойное лето; злые осенние ветры гнали первые крупицы снега, и мы, нагруженные фактами и предположениями, возвращались в город, чтобы в неторопливой сосредоточенности закончить допрос упрямыц, не раскрывших на месте своих тайн, и превратить догадки в уверенность. Мы укладывали факты, пытались заполнить зияющие в их рядах пустоты. В помощь призывались пытливая линза микроскопа, пробирка химика, лупа палеонтолога, правила геометрии земных ранений и швов, законы физики и химии земли. Мало-помалу разрозненные звенья соединялись в куски цепи. Затем снова наступало лето, снова глухо бухало долото под землёй, и мы искали километры, мечтая о теневой свежести берёзовой рощи. Карты покрывались всеми цветами спектра и всеми мыслимыми знаками, чертились и перечерчивались разрезы глубин. Зима приносила новые радости и разочарования, и мы уже начинали подумывать о том, что через несколько лет первый рудник пропрыгнет извилистым ходом тело рудоносной жилы, прихотливо изогнувшейся в тисках сланцев.

Это казалось правильным, и тут ничего не могли поделать ни робкие (не осмеем ли учёный-то?) просьбы хозяйственников о приближении сроков разведки, ни азарт исследователя, разбивающийся о каменную непроницаемость драгоценных недр.

Но пришла война, и оказалось, что всё неправильно. Оказалось, что прехлестный план работ можно закончить в год, оказалось, что можно работать, не считая часов и дней, оказалось, что можно не дожидаться, пока вся цепь фактов будет скована. Сейчас нам на пятки наступают разведчики, подгоняя нас радостным возбуждением успеха, а за ними, там, где горят костры, уже желтеет, смолотыми брёвнами рудничная вышка и грузовик

ки вызовят первые тонны руды на обогатительную фабрику.

Мы сидим вдвоём с казахом Джаныбаевым. Он старик и с бесстрастностью старости рассказывает мне ломаным языком предание о древнем богатыре, который вскопал степь в поисках клада, и эти низкие сопки, бесконечные до ряби в глазах, — следы его работы. Но богатырь не нашёл клада, потому что был один, хоть и богатырь, и клад до сих пор лежит нетронутым, а он имеет могущество делать людей неуязвимыми для врага и неутомимыми в труде. Чтобы найти клад, нужно тысяче богатырей два года не спать, забывать еду и жажду и искать, искать, не зная усталости и отчаяния, и тогда им откроется неисчерпаемый источник силы и мужества.

Предание довольно точно предсказало судьбу клада. Я подозреваю здесь дополнения фантазии старика, но всё равно: в конце-концов так и рождаются легенды. Люди нашли клад: это никель и кобальт, вольфрам и молибден, серебро и свинец; одно далось просто, другое требовало настоящего и неустанного труда, действительного отречения от сна и пищи. Кажется, нет конца щедротам, которыми награждает природа труд пришедших сюда богатырей.

Мне вспоминается начало моего знакомства с Джаныбаевым. Таким же вечером он сел у костра, скрестив ноги. Как полагается, поговорил о разных пустяках, не спеша напился чёрного, как дёготь, чая и лишь после всех необходимых церемоний достал из-за пазухи несколько чёрных камней и протянул мне. Было темно для определения, но уже по весу я почувствовал, что это — не обычное заблуждение степного жителя, часто приносящего красивый, но бесполезный камень в ожидании обещанных наград. Утро принесло радость большого открытия: минерал был вольфрамом, «железным волчком», который несколько десятков лет тому назад выбрасывали на рудниках в отваль, проклиная «вредную» примесь, засоряющую руду.

Найденное Джаныбаевым месторождение вызвало сюда новые тысячи людей, и сам он, удивлённый своим открытием, остался здесь, чтобы посмотреть, что будет с этим незрчим камнем. Я тогда же написал от имени казаха первооткрывательскую записку, и впервые бесстрастные глаза старика изумлённо расширились, когда я назвал примерную сумму премии — сто тысяч рублей.

— Не знаю, что делать такой деньга, — сказал он, — шибко много, а руках не держал никогда.

— Ну, дом хороший построишь, лошадей, овец купишь, детям поможешь, — посоветовал я.

— Дом есть, не надо. Овечка, лошадь есть, дочь хорошо живёт, сын шибко хорошо жил. Сейчас нем-

ца бёт, шибко хорошо бёт. Сто два штука убил, ай, молодец, настоящий мерген!

Так мы и не нашли, куда девать неожиданное богатство. Это было год назад.

Сегодня Джаныбаев, услышав о моём приезде, пришёл к палатке. Он рассказывает новости, спрашивает у меня о том, что в Москве, потом умоляет, как будто ожидая распросов. Я спрашиваю, но, должно быть, всё не о том, чего он ждёт; наконец, он достаёт из конверта аккуратно сложенную бумагу и подаёт мне.

— Читай, — говорит он строго.

Я читаю приветственную телеграмму товарища Сталина ему, Джаныбаеву, построенному на свою премию танку.

— А ты говорил: лошадь купи. Такая машина получилась... никакой немец не будет живой. Сам на завод ездил, армии машину давал. Свой камень на заводе видал, шибко хвалил инженер, на мою машину его держал, — гордо блеснув глазами, говорит старик; он показывает ещё фотографию, где он снят рядом с могучей машиной.

— Сыну одна карточка посылал, он писал: молодец, джаксы. Он стал шибко главный, командир, убил триста двадцать немцев, шибко герой. Я ему помогал немного немец бить.

— Ты всё на разведке работаешь? — спрашиваю я.

— Конечно. Шибко много надо работать, сиди нельзя.

Наш костёр прогорел. За сопкой полыхает электричество, шум работы кажется тем сильнее, чем гуще ночная мгла, непрерывный, ритмичный грохот наполняет окрестность. Если дать волю воображению, то нетрудно перенестись ко временам Чингисхана, когда дикие орды кочевали в этих степях и также горели бивучные костры. Но суровая и прекрасная действительность сильнее воображения: люди, собравшиеся здесь, пришли для созидания, а не разрушения, их привела сюда единая, великая и священная цель, и различие языков не мешает им понимать друг друга. Чтобы увидеть варваров, нужно ехать на Запад, в Германию, а не в Азию.

Люди поняли, что в одиночку они неудачники, а соединившись, могут совершать подвиги, равных которым не знает история. Они убедились, что их дружный труд превращает бесплодную пустыню в пышные нивы и цветущие сады. Их силой реки меняют русла и текут вспять, горы облакают сокровенные недра, воздвигаются прекрасные дворцы. Люди давно узнали упоение благородного и благодарного труда, претворяющего в реальность мечту человека о счастье, и раз они узнали его, то никакие силы не могут заставить их забыть животворящую радость созидания. И не никель и серебро — тот клад, который нашли люди-богатыри: трудовое единство — вот главное сокровище, в поисках которого неудачник-богатырь перекопал жесткую землю пустыни. Как говорит предание: обладающий кладом не знает страха и усталости, не знает непреодолимых преград.

Здесь шьют парашюты. В пошивочном цехе Н-ского парашютного завода.

Фото Я. Бродского.

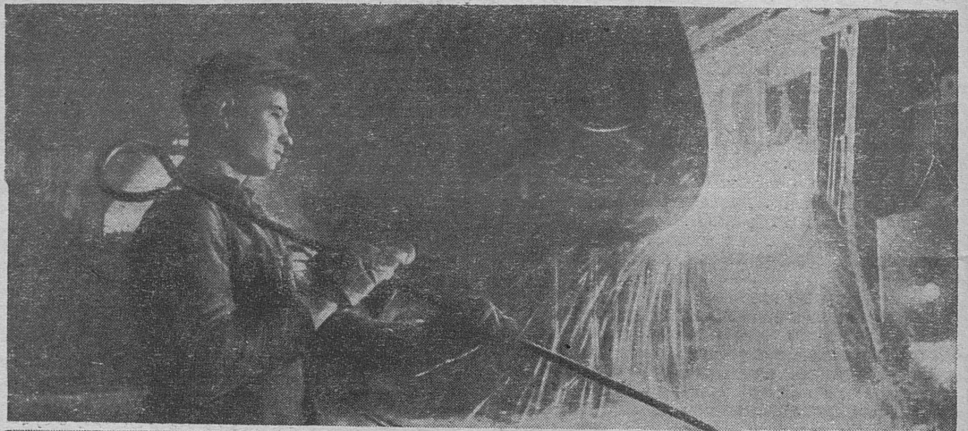
Урал — фронту

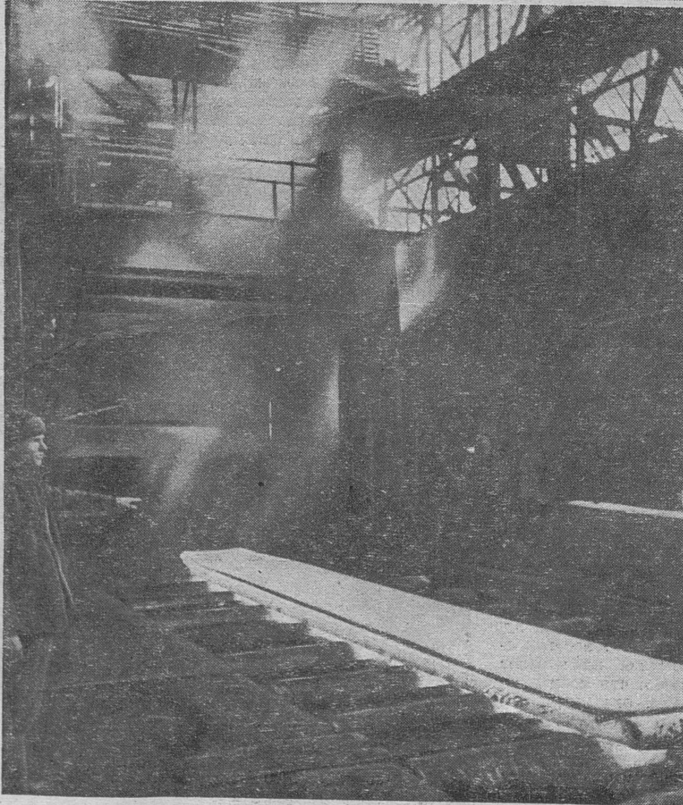
В самоотверженном служении фронту растёт и крепнет индустриальная мощь Урала. Единой могучей семьёй стоят уральцы на защите родины.

Лучшие мастера доменных печей Магнитогорска — обер-мастер А. Орлов и мастер А. Шатилин. Под их руководством работают самые большие в Европе доменные печи. Каждый день они увеличивают выпуск чугуна для фронта. Тов. Орлов награждён орденом Трудового Красного знамени, тов. Шатилин — орденом Ленина.

Подвоз руды для загрузки в домны (Магнитогорский металлургический комбинат имени Сталина).

Пятая комсомольская домна выдаёт чугун (вверху). Прокат тяжёлой брони (справа).

Стахановец-сталевар Д. Летнев наблюдает за заливкой чугуна в мертен.

Знатный молодой сталевар Г. Резанов. За хорошую варку стали он награждён орденом Ленина. Вальцовщик Н. Голоднов, награждённый медалью «За трудовую доблесть» (внизу).

Здесь же, на уральских заводах, металл превращается в грозное оружие победы над подлым врагом — в танки, пушки, снаряды. Вот бригада В. Ефремова; работая на участке сдачи и укомплектовки танков «Т-34», бригада выполняет норму на 250 процентов (сверху). Бригадир комсомольско-молодежной бригады Нина Линичева (слева); она перевыполняет задание в два с половиной раза. Лучший бригадир комсомольско-молодежной фронтовой бригады слесарей-сборщиков Н. Бусыгин и член бригады слесарь В. Шмельков. Вместо восьми человек они работают четвертом и перевыполняют норму (справа).

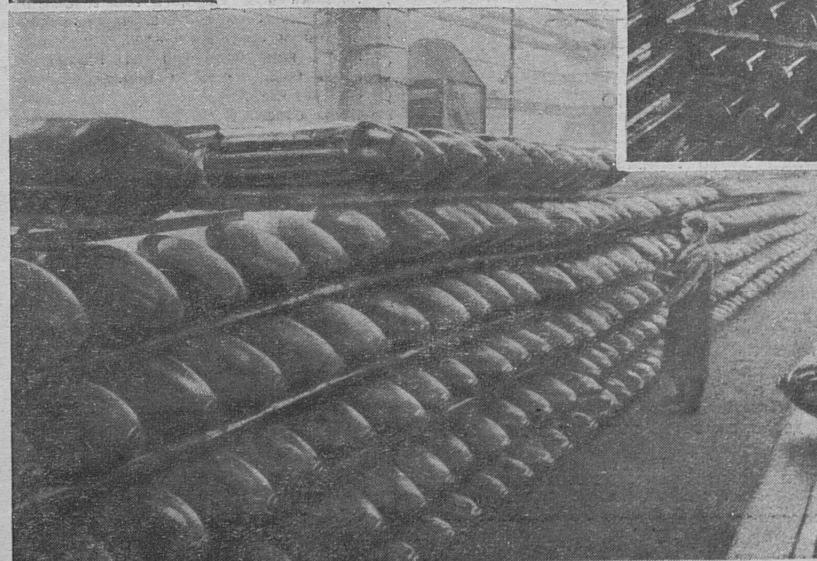
На Н-ском заводе. На складе готовой продукции — снаряды и авиабомбы (внизу).

Фото Н. Шагина

«Успехи Красной Армии были бы невозможны без поддержки народа, без самоотверженной работы советских людей на фабриках и заводах, шахтах и рудниках, на транспорте и в сельском хозяйстве. Советский народ в трудных военных условиях сумел обеспечить свою армию всем минимально необходимым и непрестанно совершенствовал её боевую технику».

(СТАЛИН).

ВЕЛИКИЙ КОБЗАРЬ УКРАИНЫ

Г. Шипов

«Он — поэт совершенно народный».

Н. А. Добролюбов

Великий украинский поэт-революционер, художник и политический деятель, Тарас Григорьевич Шевченко родился сто тридцать лет назад, 9 марта 1814 года, в селе Моринцах, Звенигородского уезда, Киевской губернии. Отец и мать Тараса от зари до зари работали на помещика, немецкого барона Энгельгардта. В 1828 году Тараса определили казачком в дом помещика, который увёз его в Петербург. Забираясь гуляками в Летний сад, мальчик делает зарисовки мраморных статуй. Здесь он знакомится с художником-украинцем Сошенко, преподавателем Академии художеств. Эта встреча сыграла большую роль в жизни будущего поэта.

Сошенко ввёл открытый им «алмаз в кожу», как он назвал Шевченко, в кружок художника Брюллова, где познакомил его с Жуковским, Венециановым, Григоровичем и другими. С этого момента и до конца его дней не порывалась связь Шевченко с передовыми русскими людьми. Новые друзья высоко оценили его талант и приняли в нём горячее участие. Доступ в Академию художеств был закрыт для Шевченко как для крепостного. Однажды Сошенко рассказал Жуковскому о трагедии крепостного художника. Энгельгардт согласился дать Шевченко «вольную» за выкуп в 2500 рублей. Брюллов и Жуковский придумали способ достать эти деньги. Решили, что Брюллов напишет портрет Жуковского и они разыграют его в лотерею. Барон Энгельгардт, получив 2500 рублей, подписал «вольную» своему крепостному художнику. 22 апреля 1832 года в доме Брюллова Жуковский в присутствии Вильегорского, Григоровича и Венецианова передал Шевченко бумагу. Тот дрожащими руками развернул её и, воскликнув: «Воля! Воля!», — благоговейно поцеловал её и заплакал. В знак глубокой благодарности Шевченко посвятил Жуковскому своё замечательное произведение — поэму «Катерина».

Первым, кому Шевченко решил показать свои стихи, был украинский писатель и переводчик Пушкина Евгений Гребёнка. Ознакомившись со стихами Шевченко, он был потрясён. Гребёнка писал корифею украинской литературы Квитко-Основьяненко: «Здесь у меня есть один земляк, Шевченко, ну, до чего замечательно пишет стихи. Так пишет, что только причмокинешь с руками разведёшь». Первый сборник стихов Тараса Шевченко был напечатан в 1840 году под названием «Кобзарь».

На Украине появление «Кобзаря» произвело потрясающее впечатление. Народ заучивал его наизусть, ему радовались, над ним плакали, его пели. В письме к Шевченко Квитко-Основьяненко писал так: «Начали читать... жена плачет, я прижал вашу книгу к сердцу. Хорошо... Очень хорошо!... Больше не умею сказать...» Добролюбов писал о нём: «У Шевченко весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с народом и не только мысленно, но и обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан».

После выхода «Кобзаря» царское правительство, боясь бичующей поэзии «мужичьего поэта», о котором уже в это время говорил весь Петербург, высылает его в отдалённую крепость Раим. Проходят долгие, мучительные годы. Только 5 августа 1857 года благодаря настойчивому ходатайству Ф. П. Толстого и А. И. Толстой Шевченко получил разрешение вернуться в Петербург. 20 сен-

тября он прибыл в Нижний Новгород, и здесь ему сообщили, что местные власти получили распоряжение задержать его и отправить по этапу в Оренбург. Это было страшным ударом для поэта. Ему пришлось объявить себя больным, остаться в Нижнем Новгороде и жить под надзором полиции. Время тянулось томительно медленно. Шевченко делал зарисовки Нижнего Новгорода, собирал материалы, чтобы писать поэму о декабристах.

Михаил Семёнович Шепкин, с которым поэт познакомился ещё в 1844 году в Москве, спешит известить Шевченко в Нижнем Новгороде. С первых же встреч между ними установились тёплые, дружеские отношения. 70-летний Шепкин был радостно взволнован страстными стихами Шевченко. «Каков старец, — писал Шевченко, — за 400 вёрст приехал известить давно не виданного друга. Вот это, что называется, друг!»

Шесть дней провёл Шепкин в Нижнем Новгороде в гостях у Шевченко. Он сыграл несколько спектаклей, очаровав зрителей своей игрой. Поэт долго вспоминал приезд Шепкина и занёс в свой дневник: «Я всё ещё не могу прийти в нормальное состояние ст. волшебного, очаровательного видения. У меня всё ещё стоят перед глазами Горюничий, Матрос, Михайло Чупрун и Любим Торцов. Но лучше и лучше — зарнее великого артиста стоит великий человек, кротко улыбающийся, друг мой единый, мой искренний, мой незабвенный Михайло Семёнович Шепкин». Шевченко посвятил Шепкину свою поэму «Неофиты» и нарисовал портрет великого русского актёра.

Так встретились два друга. Оба в прошлом крепостные, один — великий русский артист, другой — гениальный украинский поэт.

Петербургские друзья снова принялись хлопотать, и только благодаря их настойчивости Шевченко получил долгожданное разрешение на

въезд в Петербург. Проездом через Москву он пробыл несколько дней в гостях у Шепкина и 27 марта прибыл в Петербург совсем больным.

Тарас Григорьевич был дружен с принцем в семье вице-президента Академии художеств Ф. П. Толстого. Поэту была предоставлена комната при Академии художеств. Он занимался офортами, гравированием на меди, принимал участие в литератур-

Т. Г. Шевченко.

Работа худ. И. Крамского

ных вечерах, сблизился с кружком русской революционной демократии, возглавляемой Чернышевским.

Весной 1859 года Шевченко получил разрешение выехать на Украину. Поэт всегда мечтал поселиться на родине, где-нибудь на берегу

Днепра, но помещики боялись такого опасного соседства и не продали ему ни клочка земли. 13 июня Шевченко арестовали за «богохульство». Под полицейским надзором его, тяжело больного, доставили в Киев и предложили немедленно оставить Украину.

26 февраля 1861 года, неделю спустя после издания манифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости, Тарас Григорьевич умер в Петербурге.

Прах Шевченко погребён на высокой горе, над широким Днепром, недалеко от Канева. Ни один пароход, шёл ли он вниз или вверх по Днепру, днём или ночью, не проходил мимо, без того чтобы не остановиться под «Тарасовой горой». На палубе собирались все пассажиры и с непокрытыми головами пели бессмертные слова «Заповіта». К могиле тянулись бесконечные экскурсионные караваны, чтобы поклониться праху великого кобзаря Украины.

И над этой национально святой украинского народа — могилей Шевченко — надругались немецко-фашистские варвары. Они разорили музей, разгромили библиотеку, отражавшие жизнь и творчество поэта.

Украинский народ никогда не забудет и не простит им этого, он заставит их ответить за все злодеяния!

Розквуться незабаром
Заквані люди.
Настане суд, заговорять
І Дніпро, і гори!
І потече сторками
Кров у синє моря...

Заслуги Шевченко перед украинской литературой огромны. На его творческих традициях воспитались такие крупные классики украинского народа, как Марко Вовчок, Иван Франко, Леся Украинка, Михайло Коцюбинский и другие. Вдохновляющее слово Шевченко звучало не только на Днепре, а глубоко проникало ко всем славянским народам.

Память о великом кобзаре овеяна нежной любовью и признательностью народа. Не было села, где бы среди цветов не стоял бюст поэта. Сотням улиц в городах наших братских республик присвоено имя Тараса Шевченко, так же как и многие парки, бульвары, фабрики, колхозы, театры, школы, библиотеки и даже очаг украинской культуры, её старейший государственный Киевский университет носят имя Шевченко.

В тяжкую годину испытаний, во время оккупации Украины немцами, появились, как в старину, слепцы — лирики и кобзари, — которые, страдая из села в село, пели песни Тараса и, разжигая в народе ненависть, поднимали его на партизанскую борьбу против немецко-фашистских палачей. Народ не забыл слова своего лучшего сына:

Похойте, да вставайте,
Кайдани порвите
І вражою злою кров'ю
Волю окропите...

Многие партизанские отряды начертали на своих знамёнах имя «батька Тараса».

И ныне, когда храбрые сыны украинского народа в братском единстве с великим русским народом громят, под гениальным водительством товарища Сталина, немецких захватчиков и гонят их с нашей святой земли, слова Тараса Шевченко:

І на оновлєній землі
Врага не будет суєности! —

звучат, как набат, как пламенный обет всех советских патриотов, — очистить родину от гитлеровской нечисти.

ГЛАЗ СНАЙПЕРА

Пимен Панченко

В его зрачок, как будто в дом просторный,
Входили сосны, травы вечер чёрный.
Косая тень вороньего крыла
Сразмаху глаз делила пополам.
Хотел бы снайпер в зёрнышке зеницы
Собрать, как прежде, всех своих друзей,
Простор любимых улиц, площадей,
Сады, луга, озёра и криницы.
Но только снег вокруг волной сыпучей
Да чёрный фриз в зрачок вползает с кручи.
В одно мгновенье, как змею, врага
Клещами сжали жёсткие ресницы.
Короткий треск, — и синие снега
Засыпали двухсотого арийца...
И вновь открыто снайперское око
Для птиц, друзей, деревьев, звёзд высоких.

Перевел с белорусского
Евг. Мозольков

НАТАЛЬЯ ЕМЕЛЬЯНОВНА

И. Северцев

Мы сидели в комнате с низким потолком. Наталья Емельяновна, уложив девочку лет шести и четырёхлетнего мальчугана в постель, рассказывала прерывистым, задыхающимся голосом. В руках она держала лучину и ломала её. Казалось, вот-вот сломаёт всю лучину и начнёт ломать дрожжащие свои пальцы.

— Из Жирятина я, Орловской области,— говорила Наталья Емельяновна,— но в Монастырщине, Смоленской области, давно. Я малограмотная и больше в домашних работницах жила. Последние годы — у Розенбергов. Там и с Исааком познакомилась. Он пятнадцатого года рождения, моложе меня года на два. Ухаживать стал, предложение сделал. Я не соглашалась: он семилетку окончил, разве я ему пара? И потом, я разведённая, первый муж при советской власти сидел за хулиганство.

Любил Исаак меня крепко. Уговорил. Поженились. Как война началась, он инструктором в загсе работал. Двое детей у нас было — вот эти... Исаак, когда немцы подходили, повёз куда-то документы сдавать. Под Ельней его захватили и на расстрел повели, только ему бежать удалось. Домой он не вернулся...

Месяца два прошло. Евреев немцы переписывали. Исааку по деревням трудно скрываться стало. И ко мне приходили: «Где муж?» — «Ваша взяла». — «Гут, гут!»

А про детей я сказала, что они от первого мужа, от русского. «Смотри,— говорят,— если езрей скриваешь, всех расстреляем».

Холодать стало. Приходит мой Исаак ночью, спрашивает: «Пустишь?» Ну, как же можно не пустить мужа, отца своих детей? Уж если погубить, то вместе...

У меня чужие ночевали, и он на чердак ушёл. А наутро я ему говорю: «Поживи, может, партизаны объявятся, с ними уйдёшь». «Как жить будем? Сгублю вас!» «А куда пойдёшь? Зима на дворе». Догадалась я: окоп под печью вырыть надо. Ночами землю в огороде в ведрах таскала. Страшно было. Кошка пробегит, ветер зашумит — всё нам чудится: полиция идёт. Детишек на эти дни к соседям отвела, чтобы не проболтались. Малы ведь, глупы.

Вырыли мы яму ему под рост, деревянной крышечкой закрыли и на крышку кур посадили, а чтобы дышать легче, в крышке дыры сделала.

Душно в окопе было, и Исаак еле мог ночи дожидаться, чтобы вылезть, воздухом чистым подышать и на спящих детей поглядеть. Недолго он так пожил. От сырости, от холода либо от одёжи плохой — гнило на нём и всё в окопе — ногами он заболел и ходить совсем перестал. Плакал: «Куда я теперь поеду? Зачем залез? Лучше б расстреляли меня на дороге. А теперь, если найдут, и вам погубят!» Я его уговаривала, что скоро поправится, а он доверчивый стал, что ни скажу,— верит.

Первого мужа немцы из тюрьмы выпустили и начальником каким-то сделали. Узнал Степан, что я чужих детей за его потомство выдала, приходит ко мне. «Раз,— говорит,— дети мои, значит, жить нам вместе. А не пустишь,— скажу».

Я знала, что он отчаянный, и ласково с ним заговариваю, а сама думаю, как бы Исаак не услышал. «Жить,— говорю,— вместе можно, пусть только детишки поправятся и я здоровьем поправлюсь. Приходи, но прошу: на ночь не оставайся». Согласился Степан. Доволен. А у меня сердце падает... Не знаю, как дальше бы пошло, да скоро его в Смоленск вызвали, и с тех пор я его не видала.

А тут новая беда. Ко мне на квартиру стали немцев ставить, и Исааку моему выйти уж и ночью нельзя было. Что ж, значит, погубить ему? Решила я крышу раскрыть, чтобы в комнату текло и дом как пуня выглядел. Так и сделала и только над тем местом крыши не тронула, где детская кровать стояла.

Работала я в то время в больнице уборщицей, но в немецкую палату идти не захотела, а пошла в заразное отделение к гражданским. Давали мне сто пятьдесят граммов соли и шесть килограммов муки в месяц. На детей — ничего. А мне ведь ещё и мужа кормить! Холодно. Дроз лет. Крыша раскрыта. Обувь и одежду меняла. Обманывали меня. Мужчины сапоги бургомистру понесли, — он мужа до войны знал. Взял он сапоги, поправил, обещался салом и пшеном отдать. А когда пришла получить, спрашивает: «На что тебе продукты?» «Как на что? У меня

же дети». «Всё равно это племя уничтожат, чего уж зря добро переводить... Себе вот возьми...» И дал корку хлеба, граммов на двести. Это за сапоги, за хромовые!

Сколько немцы злодейств учинили, — и рассказать не могу. Каждый день порка, расстрелы, виселица. Как пришибленные ходили мы... А 5 января 1942 года много народа, человек девятьсот, повели к реке. Родовались люди, думали: работать ведут. Соскучились без работы, за колючей проволокой голодной смерти ждать... Их привели в ров и расстреляли. Землёй закидывали раненых и мёртвых, пока ров не наполнился. Грудных детей живьём кидали. Земля потом над ними несколько часов шевелилась...

Исаак всё знал. Я ему газеты и листовки носила. В окопе ему копилку устроила, и он дневник писал...

Наталья Емельяновна выдвинула из-под кровати ящик и бережно показала исписанные бледными чернилами листы. От сырости буквы расплылись и странички склеились. Другие странички, пострадавшие от огня, рассыпались в руках в коричневую пыль. Несчастный писал на квитанциях, газетах, обоях, книгах — между строками и на полях. Немногое удалось прочесть из этих записей, помеченных: «Число такое-то. Яма».

Мал оказался глубокий ров, Мало им женщин и стариков, Даже детей покидали живьём... Проклятые, проклятые на вас, зверьё!

В томительные часы одиночества он подслушивал из ямы детские игры, проказы и сообщал мне: «Девочку на улицу не пускай. Она дразнила мальчику, и он плакал, а сама плохо себя вела».

Неудачи немцев наполняли его надеждой, и он писал: «Знаю: Красная Армия непобедима!»

«29.III.42. Яма. Вода прибывает из канавы. Куда деваться? Буду сидеть в воде. А вдруг кто придёт ночью и нельзя будет выйти? А какой холод от этой воды!.. Хочу прокопать вбок канаву, но не даёт фундамент печки... Ночью жена выливала воду... Двадцать два ведра, и опять вода прибывает. Крысы поднимаются по плечам. Вдруг вода дойдёт до копилки?»

«8.VI.42. Пришла сестра полицейского. Жена выругалась по моему адресу: «Я про такого и вспоминать не хочу». Она хорошо сыграла свою роль».

«...Яма. Мальчик болен. Сполз с кровати и сидит на сквозняке. А я ничем не могу помочь. Как это выдержать?! Нужно каменное сердце...»

Стемнело. Девочка слушала внимательно с кровати. Мальчик спал лицом вниз, будто целовал подушку.

Наталья Емельяновна продолжала вспоминать. — Ему хотелось посмотреть, как играют дети. Однажды днём он приоткрыл крышку. Зина заметила его блестящие глаза и выбежала с криком на улицу. Хорошо, что я шла. Она

ко мне: «Мама! У нас в погребе кто-то сидит!» «Детка, это крысы!» «А почему у крысы такие большие глаза?»

Кашлял Исаак сильно, и я, чтобы никто не услышал его кашля, детей ругала или посудой гремела. Но всё-таки дети спрашивали, кто шумит внизу. Я отвечала, что это дерутся крысы.

Потом я заболела тифом, и меня свезли в больницу. Всё боялась в бреду выдать. На двенадцатый день, слабая ещё совсем была, из больницы тайком убежала, чтоб Исаака покормить. Он с голоду умирал. Размачивал обои в вонючей воде окопа и крахмал жевал. Весь опух и нарывами покрывался.

Как я из больницы вышла, хотела у меня женщина одна, врач, поселиться; полюбила она меня. Я ей на худую крышу указываю. «Ничего,— говорит,— починим!» Пришлось мне её прогнать от себя грубо, руганью...

Так и жили мы и каждый день ждали смерти от холода, голода и болезни; от того, что дознаются про Исаака. Соседи продуктами немного помогали, умереть не давали.

Всё на Красную Армию надеялись: знали, что наши придут. И так я немцев возненавидела, что жизни нас они лишили!.. С Аней я познакомилась тогда. Аня листовки в полицейском управлении печатала, а ребята листовки эти расклеивали. Мне Аня говорит: «Давай с нами против немцев работать». Я согласилась.

Но скоро ребят поймали и повесили. Аню же пытали и расстреляли, и я опять осталась одна... Первый год прошёл и ещё год. И не могу вам сказать, как выжила. Думается, не я жила, а другой кто за меня... Исаак, как маленький, стал, наган игрушечный сделал — забавлялся. Ослеп он почти и умом повредился.

Вдруг узнаём: красные близко. Исаак меня из дому выпроваживает: «Уходи, не то немцы угонят. А наши придут — ворочайся!» Не хотела я, чувала: не к добру. Так и получилось...

Наталья Емельяновна сунула мне в руку томик Горького. При свете копилки я с трудом разобрал на полях книги каракули полуслепшего человека:

«26.IX.43. Яма. Немцы что-то взрывают. Наши дуют их. Пусть погибнут от снаряда, но знаю, что наши победили. Да здравствует Красная Армия! Да здравствует Сталин!.. Недаром один немец сказал, что дела их «шлехт». Я сижу в хате, а хата горит... Или не горит? Что-то валится. Хочу открыть крышку, но не...»

Наталья Емельяновна заплакала...

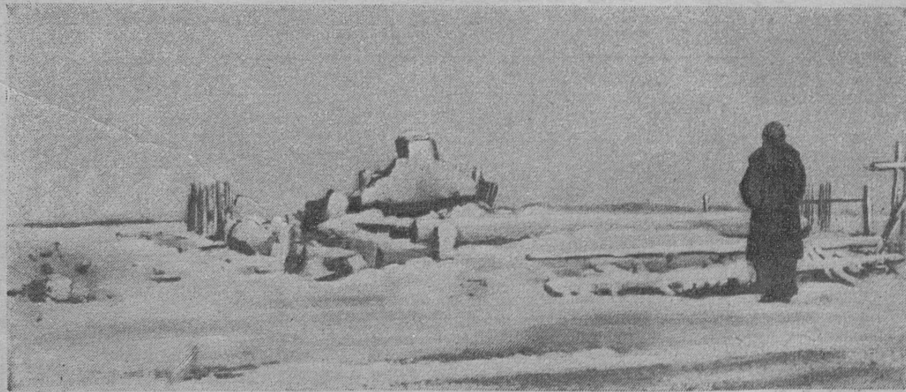
Что случилось с Розенбергом? Очевидно, он, пытаясь открыть крышку, привлёк внимание какого-нибудь немца, который и расправился с ним... по-немецки.

— Я обгорелый труп Исаака только по нагану узнала... А дневник в яме потом подобрала...

* * *

Почти два года с опасностью для жизни, пёною величайшего самопожертвования кормить, беречь, ободра́ть близкого человека и сохранить в себе бодрость духа, уверенность в победе — сколько душевных сил, преданности и любви в этой женщине!

Осторожно, чтоб не завалила печь, я пробрался к яме и при свете фонаря извлёк со дна её три листка, исписанные рукой страдальца. Три странички его дневника.

Здесь была белорусская деревня Козловицы. Немские мерзавцы разрушили и сожгли все дома и постройки.

¹ Сарай.

В ГОСТЯХ У ГЕРОЯ

В дирекцию цыганского театра «Ромэн» позвонил старший врач одного из московских госпиталей.

— Недавно к нам привезли молодого цыгана, — сказал он. — Его зовут Виктор Беляков. Он рассказывает, что до войны был артистом цыганского театра, и очень хочет познакомиться с товарищами...

Новость мигом облетела весь театр. Виктор Беляков!.. Все помнили этого стройного смуглого юношу, почти мальчика. Он был приятен в труппу театра незадолго до войны, обнаружил большие способности. Потом его призвали в армию, он ушёл на фронт, и с тех пор никто о нём ничего не знал.

В ближайшее воскресенье вся труппа поехала в госпиталь к товарищу. Гостей уже ждали. Весь госпиталь знал, что к одному из раненых придут его товарищи-артисты, а значит, будет концерт.

Переодевшись в театральные платья, артисты вышли в зал. Они увидели картину, знакомую уже по прежним концертам в госпиталях, но каждый раз волновавшую и трогавшую их. Большой, вытянутый в длину зал был весь плотно уставлен койками. Сюда съезли часть тяжело раненных, которым запрещено подниматься с постели. Ведь каждый из них хотел послушать концерт! Между койками, на стульях, на подоконниках устроились легкораненные, выздоравливающие. Они пришли сюда сами, заботливо помогая более слабым товарищам... В первом ряду стояла одна койка. На белоснежных подушках виднелось смуглое лицо, чёрные курчавые волосы, большие блестящие глаза. Это и был Виктор Беляков.

Взметнув широкие рукава, гремя монетами, цыганки бросились к нему. С нежным вниманием вглядывались они в похулевшее, возмужавшее его лицо, бросали робкие взгляды на забинтованную, прикрытую одеялом ногу. Одна из лучших плясуний театра, Александра Тимофеева, не выпускала его слабой руки из своих горячих рук.

Скупыми, медленными словами рассказал молодой цыган о себе. О том, как воевал он с немцами под Орлом, Смоленском и Оршей. Как освобождал Красная Армия от немецких захватчиков старые русские города. Какие чудовищные преступления творили немцы на временно захваченных русских землях... А он,

Виктор Беляков, стал отличным снайпером. Более ста немцев сразил он своими меткими пулями. Он имеет три правительственных награды. Теперь он снова в родной Москве, окружён внимательным уходом врачей и уже выздоравливает.

В свою очередь товарищи рассказали ему о театре, о единственном в мире театре цыганского народа, существующем в Москве. За тридцать месяцев войны театр побывал в семи советских республиках, выступал в пятидесяти девяти городах. Театр играл в Сибири и на Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Более шестисот спектаклей и концертов дано за это время. Художественный руководитель театра Виктор Югов рассказал о новой работе театра — «Цыганочке» Сервантеса, которая была по-

«Цыганочка» в Московском театре «Ромэн». Прессыоса — О. Петрова, её бабушка Азуэла — М. Скворцова. Фото К. Вдовин

ставлена в далёком Ворошилове-Уссурийском, а сейчас возобновляется в Москве...

Этот спектакль переносит зрителя в Испанию XVI века. Под знойным солнцем Испании расцветает любовь знатного юноши Хуана к прекрасной цыганочке Прессыосе. Ради любимой девушки он покидает родительский дом и примыкает к вольной, кочевой семье цыган. Трогательный и драматический сюжет повести Мигуэля Сервантеса дал возможность постановщику В. Югову, композитору С. Бутачевскому и художнику М. Салегину и Н. Сегалу создать красочный спектакль, в котором природное дарование цыган находят себе широкое применение. Роль молодой цыганочки Прессыосы с успехом играют О. Янковская и О. Петрова. В спектакле заняты старшие артисты, основатели и создатели театра «Ромэн» — М. Скворцо-

ва, И. Ром-Лебедев, С. Андриева.

Театр возобновляет в Москве и другие свои постановки, созданные во время гастролей: «Всё для тебя» А. Афиногенова и «Действующие лица» М. Светлова, — пьесы о цыганском народе в дни Отечественной войны.

Обо всём этом рассказали артисты цыганского театра своему товарищу Виктору Белякову... А потом они от слёз перешли к делу. В госпитале начался концерт цыганского искусства. Несколько составленных вместе столов образовали импровизированную эстраду. Пёстрой цветной гирляндой взойшли на неё цыгане. Зазвенели гитары, зазвучали гортанные голоса, в стремительном пляске взметнулись жёлтые, зелёные, лиловые платья, сиреневые и палевые шапки... В цыганской песне мало слов, но вся она пронизана горячим трепетом жизни. Пляска цыган — это

вихрь. Нездаром прекрасное искусство цыган влекло к себе А. Пушкина и Л. Толстого, И. Тургенева и М. Горького.

Огневые и темпераментные песни и пляски цыган доставили раненым бойцам огромное наслаждение.

Концерт окончился, но гостей и не думали отпускать! Их окружили тесной толпой и повели по палатам, где лежали раненные, которых не удалось перенести в зал. И в каждой палате, перед каждой койкой цыгане вновь пели и плясали. Они делали это с охотой, с радостью: ведь выступать для бойцов Красной Армии — первый и почётный долг каждого советского артиста.

С. Динин

БИТВА ЗА ЖИЗНЬ

Повесть П. Емельяновой «Хирург» (изд-во «Советский писатель») — повесть о битве за жизнь, за колыбель нового мира — за Советскую страну, — против смерти, мрака и варварства, против фашизма.

В этой великой схватке принимают участие, выполняя свой человеческий и гражданский долг, советские врачи, сёстры, санитары. Поле сражения — большой военный госпиталь в Москве.

Изо дня в день развёртывается эта битва за жизнь. Её возглавляет крупный московский хирург. Смелость, честность и человечность в соединении с вдохновенным мастерством делают его необычайно обаятельным для окружающих, наделяют властью настоящего полководца. В этом образе врача-полководца (в книге он носит имя Петра Александровича) можно узнать черты знаменитых мастеров советской медицины. Н. Емельянова описывает несколько операций большого хирурга, осмысливая их именно как сражение со смертью. При этом она рисует не только стратегию хирурга, но и внутренний мир, всех, кто, помогая хирургу-полководцу, принимает участие в спасении жизни защитников родины.

Н. Емельянова заставляет хирурга вести то очень сложную операцию, то относительно простую, которую Пётр Александрович мог бы поручить и менее опытному мастеру, чем он сам. Но в обоих случаях хирург испытывает страстное

желание собственными руками помочь, сделать всё, что в его силах, для бойцов и командиров Красной Армии, которые, не задумываясь, жертвуют всем во имя жизни народа. Пётр Александрович, так же как и его ученик, молодой врач Семён Иванович, как медицинские сёстры и все его соратники, хочет действием выразить высокое человеческое чувство, чувство взаимной выручки. Это чувство в книге Н. Емельяновой определяет боец Калинин: «Ты о жизни товарища помни, он твою сохранит».

Единство советских людей, показывающих образцы самоотверженности на фронте и в тылу, взаимно выручающих друг друга, — вот, коротко говоря, замысел книги Н. Емельяновой.

В повести выведены различные люди, с разнообразной личной историей. Рядом с Петром Александровичем растёт другой большой хирург. Его смелой операцией, первой его самостоятельной победой над смертью, кончается книга.

В своей повести, не всегда ровно написанной, но искренней и патристичной, Н. Емельянова заставляет героев действовать в особой обстановке, в обстановке военного госпиталя. Но, говоря об их внутреннем мире, о воодушевляющих их великих чувствах, автор показывает облик всей страны, отстоявшей Москву осенью 1941 года, открывает перед читателем часть огромной, исторической картины.

М. Надеждина

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЧАЙКОВСКИЙ

Один из памятников великому русскому композитору Петру Ильичу Чайковскому — академическое издание полного собрания его сочинений, рассчитанное на 84 тома.

В 1941 году Музгиз выпустил первые два тома. Они охватывают три романа и песни Чайковского, расположенные в хронологическом порядке. При издании проведена исключительно ответственная научно-редакторская обработка. Музыкальные и литературные тексты критически проверены по автографам, а в случае их отсутствия по копиям, заслуживающим полного доверия, и печатным изданиям, вышедшим при жизни самого Чайковского. В 44-м томе впервые опубликованы два юношеских романа Чайковского — «Мой гений, мой ангел, мой друг» (на слова Фета) и «Песня Земфиры» из поэмы Пушкина «Цыганы»; также помещён итальянский романс

«Mezza notte» («Полночь»), изданный в шестидесятых годах и совершенно забытый.

В 1942 году Музгиз выпустил 43-й том, включающий в себя хорные произведения и дуэты.

Особенно серьёзная работа проведена в области уточнения нотного текста.

Тексты вокальных произведений сличены с опубликованными стихотворениями по изданиям, вышедшим при жизни композитора, и все изменения в текстах, допущенные Чайковским, отмечены.

В примечаниях 45-го тома приведены интересные сведения о неосуществлённых замыслах Чайковского.

За 1943 год Музгизом подготовлены к печати следующие томы — партитура оперы «Чародейка», скрипичные произведения, четыре сюиты и один том фортепианных пьес.

П. Назаревский

ВОЙНА НЕВИДИМОК

ЧАСТЬ 2. СИГНАЛЫ БЕДСТВИЯ

Ник. Шпанов

(Продолжение)

Иллюстрация Л. Бродаты

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Капитан 3-го ранга Житков, производивший опыты над лаком, сообщаящим невидимости, совершил оплошность: он не запер робу, в которой работал, помогавший ему ученик. Спецовка исчезла. На ней были следы секретного лака. Возникает подозрение, что спецовка попала в руки немецкого шпиона диверсанта Витемы.

В поисках робы Житков бродит по дачному посёлку и заходит в одну из дач. Здесь на него набрасываются несколько человек, его связывают и бросают в подвал. Там он обнаруживает пропавшую несколько дней назад Валу — жену его друга Найдёнова, которой тоже поручено было искать робу.

Радиоты стоящих в порту судов: подлодки «ОН-1», которой командовал Житков, и буксира «Штурм», на котором служит его жена Элли, — принимают таинственный призыв о помощи. Сигналы подавал Житков, используя найденный им в подвале передатчик. Радиопеленг показывает точку на земле, в границах дачного посёлка у порта. Пользуясь специальным звукоулавливателем, Найдёнов обнаруживает пленников — Житкова и Валу. Их извлекают из подвала.

Работы по оборудованию лодки «ОН-1» новым, «невидимым» перископом подошли к концу. Всё плохое как нельзя лучше. Как вдруг в день своего рождения Вала получает неизвестно кем доставленный великолепный торт, в котором... запечены кусочки тканей от исчезнувшей спецовки; эти кусочки покрыты «невидимым» лаком.

Житков и Найдёнов, по приказанию своего начальника адмирала Ноздра отдыхавшие в санатории, получили приказ прибыть к нему. Они сели в автомобиль.

Ночью дежурный по городской автотранспортной инспекции получил сообщение о катастрофе на шоссе. Во время катастрофы погибли трое: два пассажира и шофер.

У подвезда уединённого особняка останавливается машина и из неё выходят Житков и Найдёнов. Появляется адмирал, который задаёт им вопрос, готовы ли они сейчас же умереть, если этого требуют интересы родины. Оба отвечают согласием.

1. ВСЕ В ПОРЯДКЕ

— Я заранее был уверен в вашем решении, — сказал Ноздра и вынул из кармана лист бумаги. — Вот и приказ о вашем исключении из списков флота.

Они молча просмотрели приказ. Всё было именно так: умершие капитан третьего ранга Житков и подполковник Найдёнов исключились из списков Красного флота.

Житков протянул обратно бумагу:

— Разрешите, товарищ вице-адмирал?

— Говори.

— Последняя просьба, если позволите?

— Рад буду, если по силам.

— Заменить здесь слово «умершие» словами «погибшие при выполнении задания командования».

— Просьба законная, — сказал Ноздра и повеселевшими глазами взглянул на Житкова. — Но сейчас я объясню тебе, почему исполнять её нет смысла. Завтра, как ты сам слышал, похороны. И если хотите, я дам вам возможность... посмотреть из окна, как вас повезут на кладбище, — видя, что удивление друзей подошло к пределу, он потянул их к себе: — Садитесь, — и как бы начиная новый разговор: — Есть хотите?

Ноздра нажал звонок и, сказав появившейся на пороге молчаливой девушке: — Ужин на троих, — снова обернулся к гостям: — Пока соберут на стол, закончим деловую часть. Нынче по дороге к санаторию произошла автомобильная катастрофа. Убиты все сидевшие в машине. Двое сидевших так изуродованы, что опознать их невозможно. Воспользуемся этим случаем. Нет больше ни тебя, ни тебя. Витема может успокоиться: злейшие преследователи сошли с его пути. Он поднимет голову: пока, мол, русские раскачаются, пока их новые люди нападут на след да изучат его привычки! Тут-то и нужно не зевать.

— Но вы же сказали, что нам придётся ваяться взрывами кораблей! — не удержался Житков.

— А разве я сказал тебе, что Витема не имеет к ним отношения?

— Ясно.

— А раз ясно, так не о чём и говорить. Остальное — ваше дело.

За ужином Житков спросил Ноздру:

— Больше всего хотелось бы знать, за что бы нас можно было ругать, ежели бы на вашем месте был кто-либо другой? Как никак, мы своё дело сделали: невидимость пока в наших руках.

— Ты в этом уверен? — строго спросил Ноздра, и брови его сдвинулись к переносице.

— Во всяком случае, куски, вырезанные из комбинезона, у нас.

— Эх, ты! — Ноздра улыбнулся. — Думаешь, легко мне было эдакий тортище в наше-то время соорудить? Тоже анст! А из-за вашей осторожности и торт пропал: вообразили, будто фрица хватит на такой подарок. Да он лопнет от жадности!.. Впрочем, за осмотрительность хвалю.

— Так, значит?.. — в один голос воскликнули оба друга.

— Знаю, знаю: сейчас уж и вообразили, будто всё в порядке. К сожалению, никакого порядка нет. Мы так и не знаем, открыли францы секрет лака или нет, — Ноздра строго взглянул на Житкова: — Можешь ты мне поручиться, что это те самые кусочки робы, что были украдены, а не новые, покрытые немецким лаком?

Житков молчал. Адмирал поднялся.

— Сейчас вас отвезут в порт. Катор доставит вас в Тихую. Вот вам новые документы, — Ноздра протянул им потрепанные удостоверения. — Подумайте о внешности. Хотя мы и старались подобрать подходящие физиономии, но кое-чего не хватает. Например тебе, Павел, нужно завести усы.

— Помилуйте, Тарас Иванович, сколько же времени на это уйдёт!

— Не обязательно отращивать. Можно и накленить. Теперь это ловко делают.

— Непривычно, Тарас Иванович.

— Ничего, обернешься. С биографиями прежних владельцев удостоверений ознакомишься из этой папки. А засим... — он протянул руку, — ни пуха, ни пера!..

За тёмными силуэтами портовых построек уже серел рассвет, когда Житков и Найдёнов пересели из автомобиля на катер. Не задавая им ни единого вопроса, стоявший в рубке лейтенант двинул ручку телеграфа. Краснофлотцы сбросили швартовы с кнехтов и подняли покрытые ледяною корочкой кранцы. Хрустя форштевнем о прозрачное сало первого ледка, катер отвалил от стенки.

Стоя у иллюминатора тесной каюты катера, друзья вглядывались в серую панораму порта, словно надеялись за его неуклюжими строениями увидеть город: просторный проспект, дом с

мраморными колоннами знакомого фронтон...

Житков опустился на диван. Достав трубку, он, как всегда, старательно набил её и с удовольствием затянулся. Когда табак кончился, Житков с сожалением поглядел на трубку, отвинтил задрайку иллюминатора и размахнулся, чтобы выпнуть трубку в море.

— Это же твой талисман! — сказал Найдёнов.

— Но вместе с тем и примета, слишком хорошо знакомая кое-кому из окружения Витемы. А статью её не сохранение Тарасу Ивановичу забыть.

— Дай-ка сюда трубку. Поберегу её, хотя примета действительно хорошая, — сказал Найдёнов. — Перед далёким путешествием в старину всегда разбивали что-нибудь ценное на счастье.

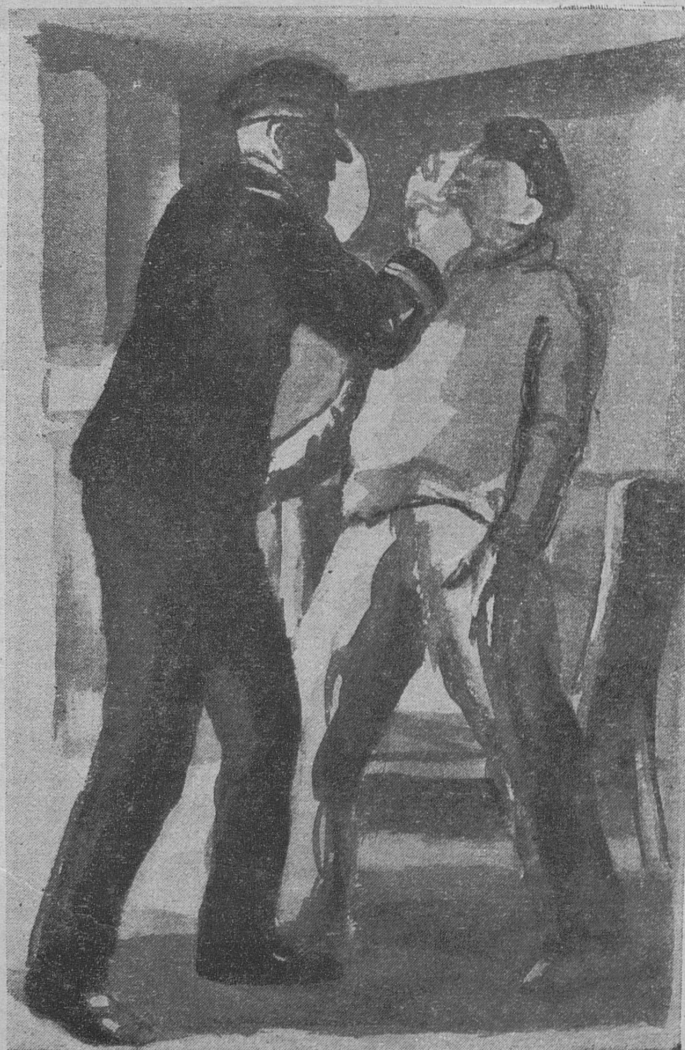
— Кто его знает, какое нам предстоит путешествие: может быть, действительно длинное-предлинное, а может, и короче воробьиного. Не соснуть ли, а?

— Завидую я тебе, — сказал Найдёнов. — Удивительный характер! Слово и не осталось у тебя ничего за кормой.

— Эх, Саша! — Житков неожиданно схватил Найдёнова за плечи и привлек к себе. — Если бы не уверенность в том, что буксир крепок, разве смеялось бы? Верю всем, что во мне есть: не выдаст нас Россия, бережёт Тарас Иванович. Ну, значит, за кормой и спокойней.

— Всё в лучшем порядке?

— Самом красивом.

Железная рука Бэра вцепилась ему в воротник.

2. СУПЕРКАРГО «МАРИИ ГЛОРИИ»

Море было серо-синим, почти чёрным. Ветер не тревожил его поверхность, но пологие, длинные валы зыби, рождённые нивью в какой дали, шли навстречу судну. Несмотря на позднее время года поверхность моря была свободна от льда. Насколько хватал глаз, не было видно ничего, кроме глянцевитой поверхности моря, прорезанной отблеском бледного солнца, появившего над самым горизонтом. Лучистая полоса легла как раз по следу «Марии Глории». От этого заплетающийся косицей бурун казался потоком жидкого золота, лениво растекающимся извещая таким же неторопливым волнам зыби.

«Мария Глория» сидела низко. Она была в полном грузу и шла с той размеренной деловитостью, с какой обычно ходят купцы в конях. «Мария Глория» была старым кораблём. Её широкий корпус не отличался ни стройностью линий, ни свежестью красок. Относительную яркость они сохранили только на больших транспарантах с цветами Британии, украшавшими оба борта старушки «Марии». На флагштоке не было флага. Очевидно, шкипер берёт флаг. Шестёр отага дорога, а у директоров «Ист шиппинг компани» каждый пенс был на учёте.

Выходящая в ходовую рубку дверь капитанского салона «Марии» была открыта. Из неё, через плечо рулевого, выдвинулся бак, нос и растопившееся до самого горизонта лениво волнуемое море. Если бы не слышались тающие звуки, как «Мария», дымавшихся справа и слева, по носу и за кормой, да не стройные контуры рыскающих вокруг корветов, можно было бы забыть о войне. Рулевой изредка, словно нехотя, перебирал несколько спич штурвала и снова заставлял в полудремоте. Его взгляд был устремлён туда, где вот уже сколько дней не показывалось ничего, кроме моря и неба, неба и моря, сливающихся в одну туманную дымку. За этой дымкой была цель плаванья — Россия. Повидимому, мысли рулевого были далеки от штурвала, от нагоняющего сонливую тоску бесконечного моря. Не интересовал рулевой и разговор, происходивший за его спиной, в салоне.

Из салона доносились голоса шкипера и первого штурмана. Собеседники бросали слова деловито. Точно кто-то заставлял их тянуть давно надоевший спор.

— Будь я проклят, сэр, если ещё раз выйду из порта прежде, чем кончатся все эти чертовщины, — ворчило произнёс штурман. — Да, да, готов съесть свою шляпу: я предпочитаю сидеть в порту, если уж настали такие времена, что нельзя бросить службу! Ищите другой корм для крабов. Я слишком дорого ценю своё мясо.

Его собеседник, высокий худой шкипер, с пестрым-красным лицом и голой, покрытой щетиной седого бобринка, выколотил трубку.

— Будущность наших детей зависит от того, как мы будем плавать, Майлс, — сказал он.

— Могу вас уверить, сэр: для ваших детей было бы куда полезней, если бы их папаша вынул свой пай из такого ненадёжного предприятия, как пароходство. В наше чортовое время всякое судно — фукас. Да, да, настоящий фукас, сэр: одна спичка — и от парохода не остаётся ничего, кроме облака пара да страховой премии в пользу директоров. Можно подумать, что немецкие подлодки договорились с нашими акционерами о дележе прибыли.

— Слушайте, Майлс, мне было шестнадцать, когда я впервые спустил на палубу. В прошлый день рождения во-

круг моего пирога стояло шестьдесят шесть свечей. Если вы не забыли арифметики, то сосчитайте, сколько раз я просыпался на борту судна. И, кланусь вам богом, Майлс, я всегда кончал день благодарственной молитвой, как бы тяжёл этот день ни был. Бог сотворил нас с вами для того, чтобы плавать. Не будем брать на душу грех, сего на его святую волю.

— О да, если бы под словом «плавать» можно было разуметь койку в капитанской каюте, а не обломок доски, уцелевший от тонущего корыта, сэр. Ночь, осень, джери¹ поливают из пулемётов всё пространство вокруг потопленного ими корабля... Брр!.. — штурман сделал гримасу. — Директорам, конечно, хорошо сидеть на берегу. Камин, подогретые туфли, стакан прога, тёплая жена. Для таких война — мать родная: высокие фракты, страховая премия. Директора тоже ежевечерне возносят молитвы, сэр, — штурман расхохотался, — ...о том, чтобы «Мария» пошла ко дну.

— Я всегда говорил, Майлс, что немецкая кровь не доведёт вас до добра, — шкипер покачал головой. — Я предпочёл бы иметь в жилах литр чернил, нежели одну каплю крови этих колбасников.

— Практичность нашего поколения вам не по нутру, сэр, — с усмешкой сказал штурман.

— Англичане всегда были практичными, но практичность и страх за свою шкуру — разные вещи, дорогой мой Майлс. Господь бог создал нас с вами для выполнения очень важной — да, да, не улыбайтесь, — очень большой, культурной миссии. Мы с вами моряки. Этим сказано чертовски много.

— Важная миссия, сэр? — штурман расхохотался так громко, что даже рулевой очнулся от своей мечтательности и удивлённо поглядел на дверь рубки. — Если уж выражаться вашими словами, сэр, то самая важная миссия, для которой сотворил меня всевышний, — беречь свою шкуру. Именно это старина Саваоф и имел в виду, создавая Генри Майлса. Могу вас уверить, сэр.

— Мы с вами никогда не поймём друг друга, — грустно сказал шкипер. — Моряк должен верить в бога и гордиться своим флагом, своим судном и самим собой. А вы! Во что вы верите, чем гордитесь?

— Честное слово, сэр, верю, — штурман ударил себя в грудь. — Как в самого себя...

— Разве только в деньги? — Как вы угадали мои мысли, сэр? В деньгах всё дело. Они сильнее Саваофа. Если они есть, то вы можете позволить себе что угодно: верить или не верить, гордиться или презирать, плавать или сидеть у камина. Тогда можно пить во всю глотку «Правь, Британия, морями» и посылать своих шкиперов на мины.

— А для меня всё в этом судне. Двадцать лет я на «Марии». Это половина вашей жизни, Майлс.

— С меня хватит одной двадцатой, сэр. Как только вернусь из рейса, — на берег! Нет, нет, это развлечение не для моих нервов. Как вы думаете, Бэр?

С этими словами штурман обернулся в глубь салона. Там, развалившись в калачке и положив ногу на ногу, сидел суперкарго «Марии» — худощавый человек неопределённых лет. Первое, что бросалось в глаза в его внешности, были большие тёмные очки и сочный, очень румяный рот. То и другое резко контрастировало с бледной, почти прозрачной кожей лица. Тонкими, длинными пальцами Бэр держал сигару и время от времени проводил ею у себя перед лицом, наслаждаясь её ароматом. Упёртой в пол ногой Бэр удерживал калачку от движений, ко-

торые она порывалась совершать в такт покачиваниям судна. Когда Майлс его окликнул, Бэр неспеша поднялся и, едва заметно припадая на правую ногу, прошёлся по салону. Не было видно, чтобы он собирался отвечать штурману.

— За весь рейс мы и двух раз не слышали вашего голоса, Бэр, — сказал штурман и обернулся к шкиперу. — Готов съесть мою шляпу, сэр, если я ещё когда-нибудь видел субъекта, умеющего так ловко играть в молчанки. Когда у меня будет своё дело, я запрещаю служащим молчать, — он насмешливо поглядел на Бэра. — Значит, мы так и не узнаем вашего мнения насчёт истинного назначения человека?

Бэр в первый раз открыл свой красный рот, и голос, до крадучивости мягкий, но одновременно с тем звучащий каким-то особенным, металлическим звуком, сразу наполнил салон. Глаза собеседников невольно обратились к говорившему, словно привлекаемые разительным несоответствием между необыкновенной интонацией и неподвижностью, которую сохранял при этом говоривший.

— Если вам уж так хочется знать мое мнение, господа, то скажу: истина лежит между вами. Вы, Майлс, неправы. Англия не позволит вам уйти на берег и усесться перед камином. Ей нужны моряки.

— Ну, фу, мне до этого мало дела. Я стал прибавлять солёной воды. Меня больше не загонишь на судно. — Только при одном условии, Майлс.

— При каком же?

— Если вы из расслабленного, студенистого труса превратитесь в мужчину и схватите за горло всякого, кто попробует пнуть вас на палубу, будь то директор «Ист шиппинг» или просто кокетливого портового полицая...

— Не всякий моряк располагает своим судью, — сказал шкипер.

Бэр медленно провёл рукой перед своим лицом, и его тонкие ноздри втянули голубую струйку дыма, ставшаяся за сигарой.

— Хороший моряк — слишком драгоценная фигура, чтобы его мясом кормить крабов. Такой капитан, как вы, сэр, достоин лучших рейсов, чем тонатане на минных полях.

— Может быть, в ваших словах и есть доля правды, — опускал глаза, скромно произнёс шкипер. — В мои годы, конечно, пора уже перестать рисковать головой на каждой миле. Но не кажется ли вам, Бэр, что мы переживаем особенное время: война! Это, знаете ли, обязывает.

— Если вы позволите мне когда-нибудь вернуться к этой теме, мы, может быть, кое-что для вас и придумаем, — загадочно произнёс Бэр и указал своей сигарой через плечо рулевого: — Не кажется ли вам, мистер Майлс, что это уже Моржовый?

Майлс подошёл к двери. Действительно по носу, на несколько румбов вправо, показался пик мыса Моржового. Облитый последними лучами погружающегося солнца, он торчал из воды, как золотая игла.

Старый шкипер с нескрываемым восхищением смотрел на эту иглу. Без пальто и шапки, как был в одном свитере, он вышел на мостик и подставил красное лицо таящемуся от земли лёгкому ветерку.

— Нет, как хотите, — сказал он вышедшему следом за ним суперкарго, — нужно ничего не понимать в жизни, чтобы променять нашу профессию даже на лучшее, что может предложить земля. Я думаю, что берег утрапит всякую прелесть, если не знать, как он выглядит из моря.

— Но как бы это ни было красиво, взлетать тут на воздух совсем неинтересно.

— Проспите?

— Говорят, чуть ли не каждый второй пароход, возвращающийся из Ти-

хой на траверзе мыса Моржового, торпедируется гуннами...

Шкипер повернулся и пошёл к себе. Миниходом он глянул через плечо штурмана на прокладку, которую тот делал, склонившись над картой:

— Последние за сигналами флаги, Майлс. Нет никакого смысла взлететь теперь, когда рейс проделан так хорошо.

— Слушаю, сэр.

Оставшись один на мостике, суперкарго Бэр прохаживался, докуривая сигару. Закончив прокладку, к нему вышел Майлс. Он пробежался разок — другой вдоль мостика. Его голова в потрёпанной синей фуражке едва возвышалась над брезентовым фартуком поручней.

Бэр подошёл к самому концу мостика, висящему над водой, и, делая вид, будто лобуетесь морем, непомно бросил из-под локтя:

— Когда мы будем в Тихой?

— Часов шесть хода.

— Вы хорошо сделаете, если через полчаса заглянете ко мне в каюту. Бэр вынул из борта окурки сигары и, не заходя в рубку, внешним трапом спустился с мостика.

До получаса, назначенного Бэром, оставалось ещё несколько минут, когда Майлс явился к нему в каюту. Штурман суетливо топтался у порога, потирая пухлые руки, и, заискивающе улыбаясь, глядел в спину Бэру. Не оборачиваясь, суперкарго бросил:

— Заприте дверь.

Только, когда Майлс исполнил его приказание, Бэр всем телом резко повернулся к вошедшему и уставился на него немигающим взглядом серых, холодных глаз. Майлс впервые увидел эти глаза, неприкрытые очками. Он почувствовал, как противный холодок бессознательного страха медленно спускается от затылка к самым пяткам.

— Сядьте, — сказал Бэр.

Майлс послушно опустился в кресло, избегая глядеть на Бэра.

— Я забываю вас от необходимости плавать, да и вообще служить, — тихо произнёс Бэр. — Но для этого вы должны выполнить долг, возлагаемый на вас отечеством.

— Я и так служу Англии, чем могу, — пробурчал штурман.

— Речь идёт не об Англии, Майлс, я говорю о нашем настоящем отечестве — о Германии. Ваша мать — немка. Благородная немецкая кровь течёт в ваших жилах.

Пальцы штурмана впились в подлокотники кресла. Взгляд расширенных глаз был устремлён на сочный рот Бэра. Майлс хотел заговорить и не мог: комок стоял у него в гортани. А Бэр, не повышая голоса, продолжал:

— Это обязывает, хотя я вовсе не намерен обещать вам одно сознание выполненного долга в обмен на то, что вы должны будете для нас сделать. Если вы будете благоразумны, то раз навсегда избавитесь от необходимости служить. Солданий чек на любой из банков Англии обеспечит вам спокойную жизнь: камин, подогретые туфли и тёплую жену... Ну?

— Что для этого нужно? — наконец выдал из себя штурман.

— Пустяки, мистер Майлс, сущие пустяки... Видите вот это? — Бэр вздрогнул со стола жестянку; это была самая обыкновенная коробка со свиной колбасой, какими были набиты трюмы «Марии Глории».

— Ва... ва... или консервы, — заикаясь, пролепетал Майлс. — Не выношу свиного фарша.

— Я и не собираюсь кормить вас ими. Вы получите от меня десяток таких банок. Когда «Мария» будет бункероваться в обратный рейс, вы

ГОЛОС МОСКВЫ

Пламенная надежда на Красную Армию, громящую гитлеровские орды, живёт в сердцах поработённых народов Европы. В турецкой газете «Тан» мы встречаем следующее описание настроений жителей Додеканезских островов. Они бежали в Турцию из родных мест, захваченных немецкими фашистами:

«После недавнего сражения на Додеканезских островах, — пишет корреспондент газеты, — жители, спасая свою жизнь, приплыли к берегам нашей родины. Число беженцев достигает 3 тысячи. С ними много детей. Одни прибыли с острова Кос, другие с Калиммена. Почти все — рыбаки. Лодки, на которых они приплыли, походили на корыта, сколоченные на скорую руку. Женщины покинули свою родину в час, когда на море был шторм, а немецкие самолёты сверху низвергали потоки огня.

Едва мы поздоровались, как мне был задан вопрос: «Как дела на Восточном фронте?» Я ответил, что немцев бьют и сила наносимых им ударов возрастает. Когда беженцы это услышали, их усталые, измученные лица озарились улыбкой.

Один из рыбаков рассказывал: «Нам пришлось бросить в море всех погибших и все вещи. На нашей маленькой самодельной лодке было шестеро детей и эти старики, а немецкие самолёты в упор расстреливали нас из пулемётов». Обращаясь к жене, рыбак сказал: «Жена, о чём ты горюешь? Ничего не поделаешь. Разве можно рассчитывать на жалость немцев? Нам жалко раздавить даже

МАРШАЛ ЮГОСЛАВИИ ИОСИП БРОЗ-ТИТО, верховный главнокомандующий Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии.

В ожесточённых боях с гитлеровскими захватчиками, нанося им тяжёлые потери, югославские патриоты освободили от немецко-фашистского ига значительную часть родной земли. Народно-освободительная армия Югославии насчитывает по данным зарубежной печати, свыше 300 тысяч бойцов и командиров.

Маршал Иосип Броз-Тито возглавляет Национальный комитет освобождения Югославии, учреждённый в качестве временного правительства Антифашистским вече, созданным 28 ноября 1943 года в городе Яйце, на очищенной от немцев территории.

муравья, а они давят миллионы людей. Но против них борется гигант — Советский Союз. Я верю, что после

бурн взойдёт ясное солнце».

Вдруг из чайной на берегу раздался голос Москвы:

передавалась сводка из Советского Союза. Все беженцы, которые только могли стоять на ногах, бросились туда. Куда девалась усталость!»

В СТРАХЕ ПЕРЕД ПАРТИЗАНАМИ

Югославские партизаны вызывают страх и трепет у немецких захватчиков. В недавней передаче берлинского радио, приведённой в зарубежной печати, содержится наряду с бахвальством признания врага о том, в каком тяжёлом положении находятся оккупанты.

«Мы находимся, — заявляют попавшие в беду гитлеровцы, — в партизанском районе. Дождь льёт как из ведра. Паровоз стоит на запасном пути станций, он пытит, словно ему грудно дышать. Вагоны переполнены людьми и грузами. Это воинский эшелон. Машинист, отвечая на вопрос, говорит, что поезд отойдет через четверть часа.

Поезд начинает свой путь сквозь тёмную ночь. Усталые глаза машиниста устремлены в окно. Зелёный свет впереди — это ближайшая сигнальная установка; далее начинается опасный поворот. В непроходимых зарослях, лёжа, подстерегают партизаны. Поезд замедляет ход. Справа пулемёт начинает стрелять по медленно движущемуся эшелону. Очередь за очередью. Разлетается вдребезги правое наблюдательное окно на паровозе. Машинист хочет поддать пар, чтобы выбраться из зоны обстрела, но сильным толчком его бросает вперёд.

Где-то в середине поезда взорвалась мина. Во мраке слышится крики, треск автоматов. Но партизаны давно уже скрылись в чаще. Мина взорвалась между двумя вагонами. Несколько ваго-

нов сошло с рельсов. По-сылают людей, чтобы поднять на ноги жителей горного городка, расположенного в 3 километрах. При нападении более крупных сил противника по телефону вызывают подкрепления из соседних опорных пунктов. Очень трудно иметь дело с противником, уверенным, как угорь, и ускользающим из рук, как медуза».

НА ВСЕОБЩЕЕ ПОСМЕШИЩЕ

Гитлеровское командование, пытаясь объяснить и замазать поражения немецких войск на советско-германском фронте, изощряется во всевозможной лжи. Немецким сводкам не только не верят: они вызывают смех. В бельгийской подпольной газете напечатана народная на официальную немецкую сводку. Строго сохраняя стиль и терминологию фашистских релиций, эта шуточная сводка гласит:

«Попытки противника про- рвать нашу оборону повсюду увенчались успехом, за исключением тех участков фронта, где наши солдаты, массами сдаваясь в плен, этим умелым маневром приостановили продвижение русских. В тактических рамках колоссальной эластичной обороны все города, расположенные вдоль железнодорожной линии Ленинград — Бердичев, были ночью эвакуированы на ды- почках. За 8 дней боёв русские потеряли вдвое больше людей, чем участвовало в сражениях».

положите их в каждую из угольных ям, на самое дно. Запомните: на самое дно, так, чтобы ни один дурак не мог до них случайно докопаться.

— Я не наблюдаю за бункерной. Это — дело второго штурмана.

— Придётся на время бункерники отправить его на берег, а вам самому заняться погрузкой угля.

— Но я должен знать, что в этих банках.

— Вполне справедливое желание, Майлс. Готов удовлетворить его... чтобы вы вполне отдавали себе отчёт в своих действиях. Всё очень просто: коробка разделена надвое тонкой медной переборочкой. Одно отделение заполнено пикириновой кислотой, другое серной. Толщина медной перегородки такова, что через заданное время, после того как на неё прольётся пикириновая кислота, медь будет съедена и обе кислоты придут в соприкосновение. Если бы вы помнили курс физики, то поняли бы, что в момент соприкосновения кислот снаряд должен загореться. Его положительное свойство заключается в том, что он горит совершенно бесшумно, развивая высокую температуру. Языки пламе-

ни, длиною до тридцати сантиметров, бьют с обоих концов коробки. Последствия этого физического эксперимента, происходящего в глубине угольной ямы или в грузовом трюме, понятны. Но не бойтесь: решительно никаких следов прибора не будет найдено, даже в том случае, если пожар удастся потушить: корпус банки сделан из легкорастворимого металла. Не останется никаких следов оказанной вами услуги.

Майлс сидел бледный, умоляюще протянув трясущиеся руки:

— Нет, нет мистер Бэр, я не могу... не могу... не могу, — казалось, он потерял способность сказать что-нибудь другое и непрерывно повторял: — Не могу... не могу...

— Вы это сделаете, Майлс, — повелительно произнёс Бэр.

— Нет, нет... вы не можете меня заставить. Не можете, не можете. Я сейчас же заявлю обо всём капитану. Вы немец, вы немецкий шпион. О, я знаю, что мне делать, — он вскочил и бросился к двери, но железная рука Бэра вцепилась ему в воротник, и он упал обратно в кресло.

— Слушайте, вы! — голос Бэра

звучал так, что Майлс испуганно втянул голову в плечи.

Бэр рыком приблизил лампу к голове штурмана и подставил в пятно света какой-то конверт: —

— Вглядитесь внимательно. Это должно быть вам знакомо.

Штурман несколько мгновений растерянно глядел на конверт, потом быстро протянул руку в попытке схватить его.

Бэр отстранил руку:

— Узнали? Вы, правда, не подозревали, что это предназначено мне, но вам — не пятнадцать лет: вы не могли не понимать, что когда вам предлагали за передачу письма мимо глаз военной цензуры сто фунтов, то это не шутка. Речь, очевидно, шла не о любовной записке. А получение своих ста фунтов вы любезно подтвердили распиской. Даже не подумали указать в ней адресата письма. Это было неосторожно, милый Майлс. Впредь этого не делайте. Беда в том, что обозначенный на конверте персонаж известен британской контрразведке как немецкий агент и уже сидит, где следует. Таким образом, ваша связь с немецкой разведкой установлена.

Стоит вам причинить мне малейшую неприятность, и содержимое бумажника станет известно властям. Вам останется только выбирать между советским военным трибуналом и королевским судом. О результатах можете судить по тому, что доставленное вами письмо дало нам возможность пустить ко дну несколько торговых судов. Что же касается вашего покорного слуги, то лишь благодаря вашей услуге я не сижу в английской тюрьме. А теперь, — Бэр сделал паузу, — отправляйтесь к себе и можете сделать выбор.

Когда Майлс дотронулся уже до двери, Бэр сказал вслед:

— Едва не забыл, при вашем слабом характере это может иметь значение: я избавлю вас от необходимости идти обратным рейсом на «Марию», после того как вы положите в бункера эти консервы. Возьмите-ка коробки.

— Но... вы разрешили мне подумывать.

— Ощущая этот свиной фарш в карманах, вам будет легче сделать правильный выбор.

Майлс послушно собрал коробки. (Продолжение следует.)

СПОРТ

ГОРНОЛЫЖНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ

Горнолыжный спорт—скоростной спуск, слалом, прыжки на лыжах—требует особого мастерства, сочетая в себе бесстрашие. В этих качествах соревновались 40 участников состязаний, состоявшихся в феврале в горах Бакуриани—обитаемом уголке для горняков-лыжников, где зимний климат дружит с яркосолнечными весенними днями.

В день соревнования по скоростному спуску поднялась пурга. Дистанцию го-ловоловной дороги сократили на километр, и крутой гоночный путь составил 1500 метров.

Двадцатым стартовал инженер-конструктор Ростислав Беляков. Высокие результаты, «показанные» его соперниками, и разные лыжи (накаду он сломал одну лыжу и заменил её другой) повлияли на его настроение. На всём ходу он свалился и вылетел из лыжной колее. Падение отняло двенадцать драгоценных секунд. Дистанцию спуска Беляков закончил за 1 минуту 28,5 секунды, проиграв победителю 4 секунды.

По второму разу Беляков стартовал шестым, согласно занятому месту в первом круге.

Победитель первого круга младший лейтенант ленинградец Ялакас на втором круге ухудшил результат на 2 секунды. Лейтенант москвич Овчинников прошёл быстрее и поднял результат кругов до 2 минут 45 секунд. Белякову нужно было теперь совершить спуск за 1 минуту 17 секунд, чтобы занять первое место.

Он ударил палками и

Республиканские колхозные лыжные соревнования в Уфе. В соревнованиях участвовали лыжники 32 районов Башкирской АССР. На снимке: момент старта военной эстафеты для женщин на 3 километра.

Фото Л. Якубова (ТАСС).

помчался вниз, низко пригнувшись к лыжам и приняв обтекаемое положение. На участках прямого пути он вытягивал вперёд руки, прятал в них голову и 5—6 секунд летел вслепую, развивая стокилометровую быстроту. Вырази и опасный седловидный профиль дороги, где многих участников инстинкт самосохранения заставлял приподнимать корпус и «подплывать» (тормозить). Беляков брал полным ходом.

Второй спуск Беляков совершил за 1 минуту 12 секунд! Сумма двух кругов составила 2 минуты 30,5 секунды, на 14,1 секунды меньше ближайшего соперника. Блестящий выигрыш!

Ростислав Белякову (общество «Крылья Советов») было присуждено звание чемпиона СССР 1944 года.

Вторая разновидность горнолыжного спорта—слалом. Это змеиный спуск. На участке в 200—400 метров лыжнику нужно выполнить в считанные секунды 38 поворотов, на всём ходу пройти «ворота», попасть в «шпильку», пройти «диагональ», обогнуть «змею», промчаться в узком «коридоре».

На состязаниях в Бакуриани и в Москве (на первенство столицы) были одни и те же победители в слаломе—красноармеец В. Преображенский (ЦДКА) и инженер-рентгенолог Тамара Родионова («Крылья Советов»).

На московском слаломе в числе участников была дочь посла США в СССР мисс Гарриман. Американская спортсменка заняла третье место.

Лучшему слаломисту Москвы Владимиру Преображенскому был вручён учреждённый норвежским послом в Москве приз имени норвежских спортсменов—массивная серебряная ваза.

Самым трудным экзаменом горнолыжного искусства спортсмены считают двоеборье, которое состоит из прыжков на лыжах и гонки по горному профилю.

Первенство Москвы в лыжном двоеборье было проведено в районе станции Сходня (рекорд СССР принадлежал одному из конкурентов Белякова, Кудряшову, и равен 82,5 метра).

Чемпионом лыжного двоеборья вышел Ростислав Беляков.

Платон Ипполитов, заслуженный мастер спорта СССР.

ПО РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

КРАСНОЯРСКИЕ «СТОЛБЫ»

В Восточной Сибири, среди отрогов Саянских гор, покрытых тайгой, в 18 километрах от Красноярска, находится знаменитый заповедник тайжной флоры и фауны «Столбы».

Свое название заповедник получил от скал, возвышающихся над тайгой. Вышедшая из недр земли порода прорвала слой песчаников и известняков и образовала на поверхности земли скалистый гребень с высокими—до 200 метров—вершинами. При охлаждении порода раскололась на части, а резкие перемены температуры, лёд, солнце и ветер, тысячами летями подтачивающие скалы, сделали их похожими на фантастические изваяния. Так, столбы «Дед» и «Баба» настолько похожи на человеческие фигуры, что трудно поверить, что они не созданы с помощью человеческих рук. Больше всего поработала природа над столбом «Перья», гладко обточенные скалы, сделав их похожими на связанные в пучок и поставленные торчком перья.

Образовавшиеся в скалах широкие трещины и ступени позволяют легко взобраться на некоторые столбы.

Особенно легко взобраться на так называемое «архиперейское место»: природа создала здесь, на высокой скале, широкую и удобную скамью. Отсюда открывается чудесный вид на тайгу. В долинах ручьёв—ели и пихты, выше, между камнями, тёмные шапки длиннохвойного кедра, забирающего даже в расщелины скал, а на солнечных площадках—стройные лиственницы, достигающие толщину до 1—1½ метров; тёмная зелень хвойных деревьев перемежается с ярко-зелёными берёзами и осинами; пышный ковер покрывает землю; густая трава и яркие полевые сибирские цветы—оранжевые, бархатно-синие, солнечно-красные; гомон дятлов, соек, кедровок, кукушек сменяется ночью—звонким пением японских и камчатских соловьёв.

Дикие звери—медведи, лисы, белки—воляются здесь в изобилии.

Восхождение на скалы—хорошая школа альпинизма. Ежегодно десятки экскурсий посещают «Столбы». Правила поведения в заповеднике суровы, но они точно выполняются всеми. Острые разломы скал в отвесных для этого местах, ослепляющие и бумаги тиснательно сжигаются, запасы валежника и подолжности в сторожевых избушках.

ИЗВЕСТНО ЛИ ВАМ...

...что один из крупнейших русских композиторов, Цезарь Кюи, имел воинское звание генерал-лейтенанта инженерных войск?

...что современная карта неба, полученная фотографическим путём, содержит свыше 5 миллионов звёзд?

...что один из первых парозов назывался «машинной-кузнечиком»? Его механизм напоминал в действии движение ног прыгающего кузнечика.

...что даже в первой половине XVIII-века в Германии продолжали свирепствовать процессы «колдунов» и ещё в 1749 году, в год рождения Гёте, в Бюрцбурге была публично сожжена последняя «ведьма»—70-летняя монахиня?

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

БАКЛУШИ БИТЬ

«Баклушей» у кустарей-ложкарей назывался кусок дерева, обрубленный для приготовления ложки. «Бить баклуши», то есть приготовить баклуши, считалось у искусных мастеров очень лёгким, простым пустяковым делом, и потому эта работа поручалась даже и малоопытным, неквалифицированным людям. Отсюда и произошло выражение «бить баклуши», означающее в переносном смысле—ничего не делать, заниматься пустяками, лодырничать.

ЛЯСЫ ТОЧИТЬ

«Лясы»—или балясы, балясины. Это точёные стол-

бики в перилах деревянных лестниц в домах. В старину на Волге лясами украшали лодки, расшивы, баржи. Лясы выделывались, точились токарями. Эта работа другими рабочими—строителями—считалась лёгкой, так как не требовала затрат больших усилий, напряжения, применения физической силы. Токари «точили лясы» и при этом разговаривали, шутили, смеялись.

КАЛЕКА

«Калека» происходит от старинного русского слова «калика», которое в свою очередь ведёт своё происхождение от латинского

слова «caliga»—обувь, предназначенная для походов и продолжительных путешествий. В старину на Руси каликами называли странники по святым местам. «Каличество»—паломничество—в святую землю, в те далёкие времена было очень трудно, опасно и продолжительно. Каликами могли быть только люди сильные, крепкие, мужественные. После падения Византийской империи паломничество в святую землю резко прекратилось. Калики начали странствовать только в пределах русского государства, по местным святыням. Среди каликов стали преобладать лица с какими-нибудь физическими недостатками. Постепенно слово «калика» превратилось в «калека».

Под редакцией мастера
СССР Н. Зубарёва

ПАРТИЯ № 6

Игра в финале Московского шахматного чемпионата

Сицилианская

Панов (белые)	Симагин (чёрные)
1. e2—e4	c7—c5
2. Kg1—f3	d7—d6
3. d2—d4	c5 : d4
4. Kf3 : d4	Kg8—f6
5. Kbl—c3	g7—g6
6. Sc1—e3	Cf8—g7

Знаменитый «вариант дракона», излюбленный в турнирной практике шахматных мастеров.

7. f2—f3 0—0
8. Kd4—b3 Cc8—e6
9. Fd1—d2

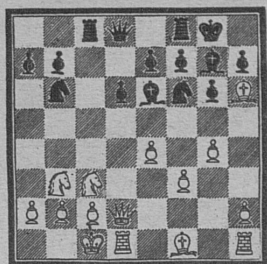
Хорошо известный маневр белых, направленный к тому, чтобы после Ch6 разменять чёрного слона g7 и тем самым «ослабить» позицию чёрного короля.

9. ... Kb8—d7
10. 0—0—0 Kd7—b6
11. g2—g4 La8—c8
12. Ce3—h6

Белые осуществляют, наконец, идею, о которой сказано в примечании к 9-му ходу.

12. ... Cg7—h8?!

А вот это уже полная неожиданность, делающая честь изобретательности молодого шахматиста! До сих пор ни один из мастеров в серьёзной турнирной партии не отказался на подобную жертву. Основание этой жертвы заключается в том, что в данной позиции чёрным выгодно сохранить активного слона (пункт c3!), нежели запертую ладью f8.

14. Kb3—d4 Ce6—c4
Теперь становится понятным и маневр Kb8—d7—b6.15. g4—g5 Kf6—d7
16. Cf1—h3 e7—e6
17. Kpcl—bl Kd7—e5
18. f3—f4 Ke5—f3!

Новая неожиданность, являющаяся, однако, логическим завершением всей предыдущей игры чёрных.

19. Kd4 : f3 Cg7 : c3
20. b2 : c3 d6—d5!

Чёрные прозят ходом Фа3 сразу решить исход борьбы в свою пользу.

21. Fd2—c1 На 21. Kd4 решает 21... Фа3, 22. Kb3, Ka4.

21. ... Kb6—a4
22. e4 : d5 Cc4 : a2+!

23. Kpb1—a1

Плохо 23. Kp : a2 из-за K : c3+; 24. Kpb3! Фc5+;

25. Фа3 (25. Ld4, Фb5+; 26. Lb4, Ф : d5+) Фc4+;

26. Kpb2, K : d1+ и т. д.

23. ... Фf8—c5

24. d5 : d6 Ka4 : c3

25. Ld1—d4

Это проигрывает. Следовало: 25. ef+, C : f7; 26. C : c8, и чёрные, повидимому, имеют лишь вечный шах.

ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ И РЫБЫ

В подводной лодке, находящейся на определённой глубине, матросы с телефонными наушниками на голове тщательно улавливают каждый звук, доносящийся извне. Тренировка позволяет довольно точно узнавать «сигналы», посылаемые по воде гребными винтами подводных и надводных кораблей. В зависимости от обстоятельств подводная лодка, поймав эти звуки, останавливается и подстерегает

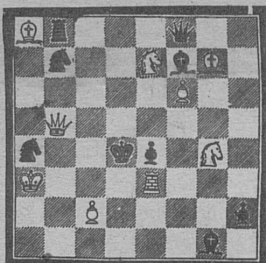
25. ... Ca2 : e5
26. Ch3 : e6 f7 : e6

Теперь выясняется, что у белых нет защиты против смертельного шаха ферзем на a5!

27. Ld4—a4 Kc3 : a4
28. c2—c4 Lc8—d8
29. Kpal—a2 Фc5—b4
30. Lh1—e1 Ld8—d3
31. Le1 : e6 Ka4—c3+!

Белые сдались. Очень интересная партия!

Задача. И. Давыдовский. (Действующая армия).

Белые начинают и дают мат в 2 хода.

врага, стремится уйти как можно скорее или опускается на дно.

Американцы обнаружили, что нередко опытные подводники-слухачи ошибаются: несмотря на их тревожные предупреждения, вблизи не оказывалось ни врага, ни друга... Командованию американского флота пришлось обратиться в специальный отдел, изучающий жизнь моря в связи с оборонными вопросами. Ответ получился довольно неожиданным: подводные сигналы посылают рыбы, какущиеся нам совершенно немими.

Рыбы, сообщил отдел, издают множество разнообразных звуков. Они скрывают и щёлкают зубами, и выдыхают разными другими способами вибрацию воды, весьма похожую на создаваемую гребным винтом.

Чтобы помочь морякам отличить шум винта от «переговоров» подводных обитателей, учёные записали на плёнку при помощи сложных приборов звуки, издаваемые наиболее распространёнными и самыми «шумными» рыбами. Эта запись воспроизводится перед слухачами - подводниками, пока они не научатся как следует отличать сигналы рыб от других звуков.

Особенно много неприятностей причиняет подводникам «морской мотыль» — рыба, очень распространённая у атлантического побережья. По интенсивности звуковых колебаний, вызываемых этой рыбой под водой, её сигналы можно сравнить... с па- роходным свистком.

Инженер А. Морозов.

ЭЛЕКТРОНЫ И УЛИТКИ

Электрический ток распространяется по проводу почти мгновенно. Многие думают, что и электроны движутся вдоль провода с такой же скоростью.

Однако это не так.

Электроны, из которых каждый в отдельности находится в беспорядочном стремительном движении, все вместе движутся вдоль провода медленно — не быстрее улитки.

Почему же электрическая лампа загорается в тот же момент, как повторяется выключатель? Здесь происходит почти то же, что в нефтепроводе, заполненном нефтью, когда с одного конца начинают подкачивать нефть. Нефть начинает течь из другого конца моментально, хотя движение нефти по трубам может быть при этом весьма медленным.

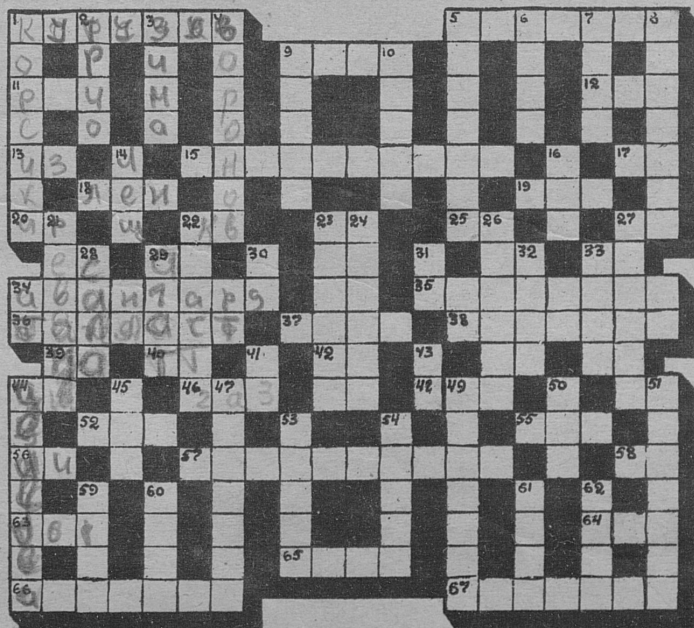
БИБЛИОТЕКА ТАМЕРЛАНА

Библиотека Тамерлана в Самарканде считалась одним из самых крупных книгохранилищ его эпохи. Самарканд, культурный центр Востока, посещался учёными Египта, Греции и других стран, дарившими свои произведения Тамерлану.

Следы самаркандской книжной сокровищницы затерялись. Найден лишь каталог (из которого видно, что в библиотеке Тамерлана находилось свыше 15 тысяч книг) и коран Али хранившийся теперь в Ленинградской Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина.

КРОССВОРД

Составил читатель «Огонька» Г. В. ЖДАНОВ

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Остров в Средиземном море.
2. Музыкальный термин.
3. Время года.
4. Один из наших маршалов.
5. Хищное животное.
6. Око.
7. Гроза контрреволюционеров и саботажников.
8. Командующий нашими войсками одного из Фронтгов.
9. Липа, образ.
10. Общество по спаркиванию кораблей и морских грузов.
11. Рыба.
12. Вещица.
13. Возмещение, оплата.
14. Продукт химической промышленности.
15. Женское имя.
16. Государство в Европе.
17. Столица одного государства.
18. Команда.
19. Жир.
20. Благородный камень.
21. Преподобный.
22. Внутренняя часть порта.
23. Испанская монета.
24. Нота.
25. Река в Европе.
26. Остров Малаякого архипелага.
27. Река в СССР.
28. Остров в Средиземном море.
29. Собирание произведений.
30. Река в СССР.
31. Итальянский порт.
32. Женское имя.
33. Временная постройка.
34. Государство в Азии.
35. Город в Австралии.
36. Полуостров в Азии.
37. Служитель мусульманского культа.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Великий русский полководец.
2. Предводитель крестьянского восстания в XVIII века.
3. Город в СССР.
4. Созвездие.
5. Домашнее животное.
6. Предлог.
7. Финский антифашистский деятель.
8. Предлог.
9. Техническое растение.
10. Обилье.
11. Метрическая мера.
12. Марка советского танка.
13. Американский генерал, участник войны Севера с Югом.
14. Югом.
15. Река в Советской Латвии.
16. Передовой отряд.
17. Город в Крыму.
18. Груз.
19. Английская мера длины.
20. Город в Крыму.
21. Союз.
22. Марка советского пистолета.
23. Нота.
24. Прозвония марша наших автомашин.
25. Насекомое.
26. Часть лица.
27. Город в Финляндии.
28. Нота.
29. Элемент органа чувств.
30. Осадок на дне водоёма.
31. Лес.
32. Эпидемия.
33. Искусственный канал.
34. Остров на Аравийском море.
35. Порт на Цейлоне.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 7 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Истина.
4. Эпилог.
8. Медальон.
9. Валторна.
12. Лука.
13. Фультон.
14. Ожог.
17. Теолог.
18. Иго.
19. Бронхи.
22. Гомер.
23. Гашек.
29. Дарвин.
30. Бон.
31. Фарада.
34. Жинво.
35. Капитан.
36. Сало.
39. Академия.
40. Голь-донн.
41. Арбитр.
42. Каркас.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Индигтор.
2. Тапи.
3. Наобум.
5. Платон.
6. Лета.
7. Горожане.
8. Мальта.
10. Англия.
11. Вьюга.
15. Воронка.
18. Арсенал.
20. Лепс.
21. Паз.
24. Одежда.
25. «Травянка».
26. Почин.
27. Парадокс.
28. Ракошца.
32. Садист.
33. Работа.
37. Герб.
38. Вьюк.

Красная Армия перешагнула Днестр. Румынские грабители и мародёры, охваченные паникой, бегут из Бессарабии и Буковины.

Сколько их, куда их гонят... (Пушкин).

Рисунок К. Елизеева